

НИК ПЕРУМОВ

ДУША БОГА

ТОМ 1

Гибель Богов 2

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

Душа Бога. Том 1

«Феникс»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перумов Н.

Душа Бога. Том 1 / Н. Перумов — «Феникс», 2020 — (Миры
Упорядоченного)

ISBN 978-5-222-41101-8

Упорядоченное гибнет. Хаос рвёт его на части, Дальние обращают миры в мёртвые кристаллы. Гремит величайшая из битв, Рагнарёк, где все сражаются против всех в тщетной попытке прожить лишний день. Гибнут герои и защитники, а умершие, напротив, возвращаются к жизни. Из небытия выныривает тень величайшего оружия – трёх магических Мечей, Алмазного, Деревянного и Меча Людей. Только кому они понадобились в дни всеобщей гибели? Кто и зачем собрал в недрах Межреальности немёртвую Армаду? Куда ведёт золотой луч, путь, пройти по которому сможет лишь один? И зачем девочка Рандгрид бьётся изо всех сил с гигантским змеем – ведь в Рагнарёке нельзя победить! Или всё-таки можно?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-222-41101-8

© Перумов Н., 2020
© Феникс, 2020

Содержание

Синописис, или Что было раньше	7
Пролог	22
Глава 1	32
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ник Перумов
Гибель Богов – 2. Книга
восьмая. Душа Бога. Том 1

© Перумов Н., 2020

* * *

Синопсис, или Что было раньше

После окончания событий, описанных в романе «Война мага», Новым Богам Упорядоченного, Хедину и Ракоту, казалось, что настала мирная передышка. Два мира – Мельин и Эвиал – были спасены, слившись так, что на их месте возник новый мир. Спаситель, явившийся в Эвиал, был отброшен, хоть и не побеждён. Пленённая в Западной Тьме волшебница Сигрлинн, возлюбленная Хедина, вырвалась на свободу. Пал коварный Архимаг Игнациус, заманивший было Хедина и Ракота в ловушку, пал и гениальный, но безумный чародей Эвенгар Салладорский, мечтавший достичь божественности. Предавшая Хедина эльфка-вампириша Эйвилль погибла тоже, оставив в руках Нового Бога ценнейший артефакт, залог Дальних, данный ей как доказательство серьёзности их намерений.

Боевой маг Долины Клара Хюммель сумела вытащить из Эвиала одного из хранителей кристаллов магии, дракона Сфайрата. Ей удалось отыскать тихую гавань, мир под названием Кимма, где они и зажили как муж и жена, успев родить четверых детей, ибо время там текло быстрее, чем, к примеру, в Обетованном или даже в Мельине.

Однако мирной передышки не получилось. Планы Хаоса и Дальних Сил были сорваны, но полного поражения они не потерпели. Подмастерья Хедина вынуждены были вступать в бой во многих местах, удерживая равновесие.

Линия Клары Хюммель

Мирная жизнь Клары Хюммель оказалась нарушена, когда к ней в гости пожаловал странный местный маг, назвавшийся Гентом Гойлзом. Он намекнул, что догадывается о её истинном происхождении; и, хотя на первый взгляд визит его не нёс никакой непосредственной угрозы, Клара забеспокоилась.

Её беспокойство оказалось не напрасным.

В этом же мире оказался эльф-вампир Ан-Авагар, из гнезда уже упомянутой Эйвилль; он служил Хедину, однако службу эту понимал весьма своеобразно, скорее как индульгенцию на кровавые злодеяния.

Пытаясь разобраться, что за зло творится в окрестностях родного посёлка, дети Клары и Сфайрата угодили в древнюю ловушку, расставленную неизвестно кем, но явно на «сильных магов». Непонятным для Клары образом этот капкан оказался связан с совсем иным, находящимся в Межреальности и установленным гномами-подмастерьями Хедина, рассчитывавшими «захватить живьём хоть одного Дальнего».

Одновременно уже упомянутый вампир Ан-Авагар, помимо всего прочего, вызвал нашествие подъятых из могил мертвяков на посёлок, где жила Клара с семьёй. Выбирая, броситься ли сразу на поиски детей или вернуться к дому и помочь беззащитным перед мертвяками селянам, Клара поссорилась со Сфайратом, и он один пустился в погоню.

Кларе удалось отразить нападение мёртвых – причём помощь неожиданно для себя оказал и сам вампир, начавший проявлять к Кларе совсем не вампирский интерес; она смогла добраться до ловушки, где были заперты её дети. Однако волшебница не сумела бы пробиться к ним, если б не помощь со стороны странного, но могущественного чародея, назвавшегося Кором Двейном.

Детей Кларе удалось отбить, но при этом она вступила в бой с гномами-подмастерьями Хедина, что изо всех сил спешили к сработавшей ловушке, будучи убеждены, что «захватили Дальнего».

Кора Двейн уверяет её, что теперь она враждует с Новым Богом Хедином, который «подобного не прощает».

В то же самое время девочка Ирма, оказавшаяся в невольных ученицах у Клары Хюммель, попадает в замок к странным магам, «брату и сестре» Кора Двейна по имени Скьёльд и Соллей. Соллей берётся обучать Ирму магии – Клара до этого открыла в девочке немалый талант.

Освободив детей, Клара должна теперь разыскать мужа, дракона Сфайрата, и объясниться с ним.

Вернувшись с детьми в Поколь, Клара обнаружила селение почти полностью разорённым. Страж-кот Шоня, однако, уцелел и сумел сохранить в неприкосновенности дом Клары и Сфайрата. Людям из этих мест помогли перебраться в другие деревни маги Беллеоры, ближайшего большого города.

Клара с детьми и Шоней отправились на поиски Сфайрата.

В Межреальности, однако, их перехватил отряд подмастерьев Хедина под водительством гнома Керрета, того самого, что едва не пленил детей Клары в расставленной «на Дальнего» ловушке. Керрет потребовал от Клары «сдаться»; она отказалась, однако сумела втянуть гнома в переговоры. Никто не знает, чем бы закончилась их беседа, но по какой-то случайности вспыхнула схватка.

Зося, младшая дочь Клары, была тяжело, почти смертельно ранена.

Кларе удалось удержать её на самом краю смерти, однако долго так продолжаться не могло. К счастью, Чаргос, старший сын Клары, смог вовремя привести помощь.

На подмогу подоспел чародей Скьёльд, названный брат волшебника Кора Двейна и чародейки Соллей. Ему удалось спасти Зося; Клара с детьми оказались в замке Кора Двейна. Хозяин не один раз пытался убедить Клару «встать с ним плечом к плечу» и сразаться «за свободу всего Упорядоченного, ибо боги не имеют права повелевать смертными», но Клара всякий раз отказывалась.

Тем не менее, ощущая себя в долгу перед спасшими её ребёнка чародеями, Клара добровольно решила выполнить их задание. Детей она спрятала на нашей Земле, в закрытом от магии пространстве, где их никак не смогли бы разыскать.

Сама же Клара отправилась в некий мир, где – по слову Кора Двейна – ей предстояло задержать слуг Хедина и добиться, чтобы порталы в этом мире оставались бы открытыми как можно дольше – через них перебрасывались подкрепления на войну.

Кларе удавалось достаточно долго сдерживать подмастерьев Познавшего Тьму, однако в конце концов ей пришлось оставить защиту портала. Она ощущала в глубине этого мира, совершенно обычного и ничем не примечательного мирка странные сгустки силы, дающие странное, ни на что не похожее эхо.

Клара попыталась понять, что же это такое; и даже успела выяснить, что таинственные сгустки образуют нечто вроде линии чудовищного разлома, способного вскрыть не только сам мир, но и Межреальность вокруг него.

Однако в этот миг то ли сработали охранные чары этих диковинных артефактов, то ли вернулись странно искажёнными заклятия самой Клары – но её накрыло тяжёлым магическим поражением. Бесчувственную, её взяли в плен подмастерья Хедина и попытались доставить в Обетованное.

Лекари-эльфы прилагали все усилия, чтобы спасти Клару, однако она умирала.

Именно такой, умирающей, её и нашёл не кто иной, как вампир Ан-Авагар.

Недолго думая, он выкрал её, чувствуя неизбежность её гибели и поклявшись спасти любой ценой.

Ан-Авагар доставил бесчувственную чародейку в один из миров, где у него было устроено логово. Мир этот находился в магической «тени» другого, куда крупнее и закрытого, так

что отыскать тут беглецов было бы куда труднее. Волибница умирала, и вампир прибег к последнему средству, вливая ей в вену собственные эликсиры, созданные для поддержания сил вампиров, а не живых.

Ему удалось задержать Клару Хюммель на самой грани смерти.

Ан-Авагар лечил Клару, для чего ему приходилось совершать нападения на обитателей этого мира, отнимая жизни, забирая кровь, потребную для составления эликсиров.

Его активность не осталась незамеченной.

К месту его охоты явилась целая экспедиция воинов и боевых магов, очевидно, обладавших некими средствами воздействия на вампиров, – Ан-Авагар ощущал гудение и жужжание в голове, не дававшие сосредоточиться и толком использовать магию. Явившиеся воины обнаружили гномий схрон, где оставалась Клара Хюммель.

Вампир вступил в бой, несмотря на неравные силы. В разгар сражения появились отыскавшие Клару дракон Сфайрат, чародей Скъёльд, гарпия Гелерра и Ирма Нарви с волком.

Между ревнивым драконом и вампиром вспыхнула схватка. Ан-Авагар был ранен. Сам дракон, увидав Клару, спросил лишь: «Где мои дети?!» Трудно сказать, чем кончилось бы это противостояние, но в этот миг начал рушиться сам мир, угодив в жернова раскалывающих Упорядоченное сил, и дракон Сфайрат успел выбраться из него, унося с собой Клару, Гелерру и Ирму Нарви с волком.

Чародей Скъёльд и вампир Ан-Авагар исчезли.

Линия гарпии Гелерры

Полк гарпии Гелерры сражался в Хьёрварде, где неведомые противники бросили в бой мало что понимающих, но жадных до драки быкоглавцев, к которым присоединились низкорослые карлики-чародеи из дикого, не известного никому мира, где их вербовал какой-то странный, но явно очень могущественный маг.

Разбивая воздвигнутый чужими волибниками щит, Гелерра угодила под непонятное воздействие, лишившее её чувств и перебросившее неведомым образом далеко в Межреальность.

Там она столкнулась с чародеем Скъёльдом, заявившим, что он якобы «спас» её, удержав от падения «в бездну, где кроются корни Мирового Древа». Скъёльд задал гарпии только один вопрос, что выбирает она – свободу или служение. Гелерра гордо ответила, что долг её – служение великому богу Хедину. Чародей, как и обещал, дал ей свободу, однако Гелерра оказалась не в каком-то из миров и даже не в Межреальности, а в странном призрачном месте, похожем на крону исполинского древа, где её, беспомощную, несло сильнейшим магическим потоком, мало-помалу превращая в демона.

В конце концов охваченную отчаянием, разуверившуюся Гелерру вынесло в некий мир, но уже не крылатой гарпией-адатой, а жутким чудовищем.

Там она столкнулась с неведомым врагом, охотником на демонов, и едва не погибла от его чар. Спасла её чародейка Соллей, оказавшаяся в нужном месте и в нужное время. Спасла и взяла с собой. В замке Соллей и Скъёльд принялись за «излечение» гарпии, как они называли это, утверждая, что они «в долгу» перед Гелеррой и помогают ей просто так.

Попутно Соллей осторожно, не заходя слишком далеко, расспрашивала Гелерру о Хедине и её службе, утверждая, что они с братьями – исключительно «за свободу» и не потребуют с адаты никакой службы взамен. Более того, Соллей уверяла, что, борясь с их врагами-Дальними, она тем самым «споспешествует великому Хедину». Особенно волибницу интересовал зелёный кристалл, залог Эйвилль, полученный вампирией от Дальних и найденный потом Гелеррой в Межреальности.

Гелерра никому ничего не обещала, однако её всё чаще посещали мысли, совсем не свойственные верному ученику Познавшего Тьму.

Соллей и Кор Двейн добились успеха – они полностью излечили адату, вернув ей прежний облик и навсегда изгнав овладевшего ею демона. На крыльях Гелерры вновь отрастали прекрасные белые маховые перья, коими она так гордилась и утрату которых оплакивала столь горестно.

Она чувствовала себя покинутой и преданной богом Хедином. Несмотря на все её чувства к нему, он не пришёл к ней на помощь, оставил в беде. Гарпия отчего-то считала, что Познавший Тьму непременно должен был «чувствовать», что с ней стряслось.

Нельзя не добавить, что к выводам этим ей помогли прийти маги Кор Двейн и его названная сестра Соллей.

После того как адата вновь обрела способность летать, она – как и Клара – решила «вернуть долг» спасшим её чародеям. Кору Двейну требовался зелёный кристалл, залог Дальних, ставший добычей Гелерры, который она потом отдала Хедину.

Не чувствуя себя более связанной с Познавшим Тьму и успокаивая себя тем, что Кор Двейн тоже якобы воюет с Дальними, кои враги и Хедину, Гелерра отправилась к Обетованному.

По пути, уже на близких подступах, ей встретилось воинство Тьмы, ведомое Ракотом Восставшим, что вновь принял титул Владыки Мрака. Гарпия решила, что Ракот обратился против Хедина; по её мнению, лучшего момента, чтобы добыть кристалл, уже бы не представилось.

Защищавшие Упорядоченное от натиска быкоглавцев ученики Хедина ничего не заподозрили. Для них это была счастливо вырвавшаяся из плена адата Гелерра, вернейшая из верных. Они пропустили гарпию.

В доме Хедина Гелерре посчастливилось добыть заветный кристалл и выбраться невредимой.

Адата доставила драгоценную добычу Кору Двейну, считая себя обязанной ему помочь. В ответ маг предложил ей оставаться в замке столько, сколько она пожелает, быть его гостьей, добавив, что не сомневается – Гелерра найдёт себе достойное дело.

Но, пока она ожидала таковое, до замка добрался израненный дракон Сфайрат. Он разыскивал Клару Хюммель и детей, он почуял запах пролитой драконьей крови и по этим следам добрался до крепости Кора Двейна. Чародей вместе с названным братом Скьёльдом и сестрой Соллей принял его, помогая в излечении.

Испытавшая жестокое разочарование в своих чувствах к богу Хедину, адата Гелерра почувствовала некоторый интерес к дракону, тем более что он явился к замку в человеческой своей ипостаси.

Пока тот исцелялся, Кор Двейн предложил Гелерре отправиться вместе с ними в опасный поход – против Новых Магов, которые, как объяснил чародей, были их давними врагами. Гелерра согласилась.

После яростного боя в тайном логове противника Кор Двейн, Соллей и Скьёльд одержали победу, пленив всех своих врагов, кроме лишь одной Царицы Ночи, сумевшей ускользнуть.

Возвращаясь после сражения, Двейн, Соллей и Скьёльд начали обсуждать что-то непонятное Гелерре, о «сработавшем триггере», «идушем разделении» и наступающем «новом порядке», и что Гелерра, если останется с ними, может рассчитывать на «высокое положение» в мире «без богов». Они говорили и о неких «нанимателях», что должны были «явиться за призом», причём Кор Двейн утверждал, что эти неведомые «наниматели» «уже там», в месте, где всё «так, как они хотели, – никаких Познавших Тьму и Восставших, никаких Духов Познания и Соборной Души».

Гелерра колебалась, и тогда Соллей шепнула ей, что знает о её интересе к Сфайрату и совсем не против, если он достанется гарпии.

Гелерра возвращалась в замок вместе с Кором Двейном и остальными. Странные слова Двейна о загадочных «нанимателях» её в тот момент не волновали.

В замке Кор Двейн поведал Гелерре, что «Хедин и Ракот нас больше не беспокоят». Он сказал, что отныне в Упорядоченном нет никаких богов, ни Новых, ни Молодых, а чародеям предстоит теперь «решить проблему Неназываемого». Гелерра согласилась помогать. Но прежде ей пришлось вместе со Скъёльдом и Соллей отражать натиск эльфов королевы Вейде, пытавшихся штурмовать замок Кора Двейна.

Страшный Вран, что привёл их сюда, аватара Духа Познания, заговорил с Гелеррой, велел повиноваться ему. Он знал всё о ней, даже о внезапно вспыхнувшей страсти к Сфайрату; и Гелерра согласилась служить ему. Вран велел ей оставаться при троице чародеев, сказав, что, когда она понадобится, он призовет её.

Кор Двейн открыл Гелерре, что им нужно отыскать чародейку Клару Хюммель, поскольку она – «последняя живая ниточка памяти» к Алмазному и Деревянному Мечам, необходимым Кору Двейну для завершения великой работы по переустройству сущего.

Дракон Сфайрат меж тем был успешно излечен; Кор Двейн, Скъёльд и Соллей предложили ему помощь в отыскании супруги.

Именно в разгар упомянутой выше битвы Гелерра, Сфайрат и Скъёльд добрались до Клары Хюммель.

Линия Матфея Исидорти

Матфей Исидорти, обычный смертный человек, молодой клирик монастыря Сил Святых в самом обычном мире Упорядоченного, был одержим тягой к постижению тайного и магического. Большие всего его привлекали истории о загадочных демонах и способах повелевать ими – и наконец в руки Матфею попали старинные запретные книги, как раз посвящённые этому.

Молодой клирик оставил монастырь и после долгого пути достиг мест, где, согласно анонимному автору, появлялись демоны; там адепт, не обделённый смелостью, мог надеяться познать их и даже подчинить себе.

Матфею сопутствовала удача. Он отразил атаки демонов, хотя схватка с третьим из них забросила его в неведомое подземелье, откуда не было выхода. Призрак, назвавшийся убитым им демоном, предсказал, что, дескать, несмотря на победу Матфея, он тоже обречён, поскольку должен умереть в подземелье от голода и жажды; сам же демон, мол, вынужден убивать потому, что таковым сотворили его Новые Боги.

Тем не менее Матфею удалось вырваться из ловушки – удивительное смещение пространства забросило его в совсем другие места родного мира, где его ждало столкновение с Гелеррой, почти утратившей сознание и терзаемой ужасным голодом, который, как ей казалось, может утолить лишь человеческая плоть. В схватке они оба были близки к смерти: Гелерра – от вызванного рунами Матфея пламени, Матфей – от клыков и когтей «демона»; в этот момент, однако, появились двое спасителей, мужчина и девушка. Девушка-чародейка спасла Гелерру, мужчина – Матфея. Ни гарпия, ни клирик не видели в деталях своих спасителей.

Они были просто спасены.

Как и Гелерра, Матфей нашёл приют в замке Кора Двейна. Сам хозяин стал наставником молодого клирика в магических науках. Помимо этого Двейн доверил своему новому подопечному опекать очень важную пленницу, заточённую в защищённой магуицественными

чарами темнице, – Царицу Ночи. Кор Двейн рассказал Матфею, кто она такая и что в заключении находится также и за то, что ради забавы с сородичами – так называемыми Новыми Магами, – наводила орды чудовищ на ни в чём не повинных поселян Северного Хьёрварда.

Красота Царицы поразила бедолагу Матфея в самое сердце. Он не понимал, зачем Кор Двейн взвалил на него ещё и эти обязанности, но...

Приказ есть приказ.

И Матфей старался его выполнить настолько хорошо, насколько мог. Очень скоро, однако, он оказался совершенно очарован соблазнительной Царицей, и потребовалось совсем немного времени, чтобы они сделались любовниками.

Тем не менее окончательно голову Матфей не потерял, сообразив, что здесь, в темнице, Царица Ночи в полной его власти и достаточно туманных намёков на возможную помощь в будущем, чтобы добиваться от неё близости.

Однако же он всё равно взялся за расшифровку охранных чар Кора Двейна. Он не сомневался, что получит немалую награду, если сумеет освободить Царицу Ночи и доставить её к родне. Правда, оставалось решить, как ему обезопасить себя, если та же Царица решит отомстить за вынужденные ласки.

Матфей тянул время.

И пока оно тянулось, он стал свидетелем визита в замок Кора Двейна неких очень важных гостей, кои, как выразился сам чародей, «помогали в осуществлении их большого плана».

В замок прибыли четверо мужчин, скрывавших лица под капюшонами; четверо, наделённых огромными силами.

Матфею удалось услышать введущийся посредством мыслеречи разговор меж гостями и хозяевами, в котором гости именовали Кора Двейна, Скьёльда и Соллей своими «слугами», а Кор Двейн, словно не замечая, убеждал их в необходимости получения некоего «обещанного», без которого план быть исполнен не мог.

Гости должны были получить некую «долю» непонятно чего, причём «без Хедина и Ракота». Матфей также узнал, что именно Кор Двейн и его родня ответственны за появление в Упорядоченном Четвёртого Источника Магии (в дополнение к Урду, Кипящему Котлу и Источнику Мимира) и за небывалый переток силы к Древним Богам, давно влачившим весьма скромное существование.

Неведомые «гости» пообещали, хоть и нехотя, доставить «обещанное».

После этого столь же таинственный «план» будет выполнен.

Воспользовавшись занятостью Кора Двейна и его родни со странными «гостями», Матфей решился осуществить свой замысел – бежать из замка вместе с Царицей Ночи. Ему удалось – не без невольной помощи самого Кора Двейна – смастерить магическое устройство, в котором он смог бы пронести развоплощённую сущность Царицы Ночи мимо дозорных заклятий и колдовских замков. Большие того, Царица оказывалась в его полной власти, без него она не смогла бы покинуть свою новую темницу.

Его замысел вполне удался, Царица доверилась ему. Матфей рассчитывал на богатую награду от её «родни», после чего намеревался скрыться в каком-нибудь отдалённом мире Упорядоченного.

Однако оказалось, что всё это было подстроено самим Кором Двейном с целью выявить потайное обиталище Царицы и остальных Новых Магов. После того как он потерпел поражение в схватке с Двейном, Скьёльдом, Соллей и Гелеррой, Кор предложил Матфею награду – «за помощь» в деле нахождения тайного убежища.

Награда была щедрой, Матфею предлагались богатство и свобода... однако он в ответ просто разбил магическое вместилище, где была заключена Царица, выпустив её на волю.

Разъярённый Кор Двейн ударил Матфея ножом, оставив бездыханное тело валяться там, где его настигла смерть.

Линия Древнего Бога Одина и валькирии Райны, его дочери

После окончания эвильских событий, когда Старый Хрофт и Райна встретились, бог Один начал свою собственную игру. Вместе с Райной он откапывает давно забытые железные обломки, помнящие ещё дни славы Асгарда, и альвийская оружейница Айвли выковывает для Хрофта и Райны новые мечи. Один убеждён, что, хотя асы пали на Боргильдовом поле, тени их пребывают во владениях великого Демогоргона, и он сможет так или иначе, но вызвать их. Заручившись помощью Яргохора, Водителя Мёртвых, и разыскав волка Фенрира, сына Локи, Один с Райной отправляются в опасный путь.

Пробиться в домен Соборного Духа оказалось очень нелегко, однако на помощь Старому Хрофту неожиданно явились Дальние и уже знакомый нам маг Скьёлд, уверяющий, что он, мол, «с роднёй» горячо сочувствует делу Древнего Бога и готов помочь всем, чем только возможно.

Он действительно помог. Несмотря на противодействие – демонов, чудовищ, бестелесных призраков, – Старому Хрофту удалось пробить для валькирии Райны дорогу в пределы Демогоргона. Ей удалось разыскать асов и вывести их тени из царства смерти, однако это были лишь тени, безвольные и словно бы спящие. Самому же Одину, Фенриру и Яргохору пришлось выдержать бой с подмастерьями Хедина.

Вернувшись на равнины Иды вместе с тенями асов, Старый Хрофт сумел провести ритуал, возрождающий их в прежней истинной плоти.

Хедину пришлось срочно отправиться к Асгарду, отстроенному по-настоящему, из дерева, камня, стали и золота; Познавший Тьму стал свидетелем последних стадий обряда, закончившегося появлением из альвийского меча, вручённого Одину оружейницей Айвли, нового ясеня Иггдрасиля, во всём подобного тому, что высился когда-то над изначальным Асгардом, Асгардом Древних Богов, что правили Хьёрвардом.

У подножия ясеня забил новый Источник Магии, родившийся из тёмной пуповины, что вела от покинутого Мимиром Источника Мудрости к неведомой магомеханической системе в глубинах Упорядоченного. Кто устроил всё это, оставалось загадкой.

Видя нарастающий катаклизм, Хедин решил отступить от возрождённого Асгарда. Сигрлинн, требовавшая решительной войны со Старым Хрофтом до полного его низвержения, покинула Познавшего Тьму.

Отыскав во владениях Демогоргона душу своей матери, Райна вместе с Ракотом двинулась в обратный путь по Упорядоченному. Валькирия была преисполнена решимости вернуть матери тело – так же, как Один должен был вернуть плоть всем спасённым ею асам. Однако по дороге домой валькирия вдруг ощутила странные эманации, «как до Боргильдовой Битвы», словно бы Древние Боги вновь начали обретать силы.

Спустившись в незнакомый мир, Ракот и Райна оказались лицом к лицу с загадочным Древним, черпающим силы, помимо прочего, и в массовых жертвоприношениях. Вступив с ним в схватку, Ракот, к собственному изумлению, обнаружил, что Древний куда могущественнее, чем кажется, а силы самого Ракота словно бы претерпели ущерб. После кровавой битвы им удалось пресечь зло, и Ракот поспешил к Обетованному, уведомить Хедина; Райна же отправилась в Асгард.

В Асгарде бог Один принимал гостей. Явившийся посланник Дальних склонял Одина к открытой войне против Хедина и Ракота во главе рати Древних Богов.

«Приведи мне эту рать, и я возглавлю её», – были последние слова Старого Хрофта.

Но прежде чем обещанная рать достигла Асгарда, к его стенам подоспели отряды Сигрлинн – Ночные Всадницы и рыцари Ордена Прекрасной Дамы.

На защиту Асгарда встала даже столь неожиданная союзница, как Мать Ведьм Гульвейг, но и ей не удалось остановить чародейку Сигрлинн.

Разбив врата крепости асов, Сигрлинн, приняв облик огненного вихря, ворвалась внутрь и под ветвями возрождённого Иггдрасиля сошлась лицом к лицу со Старым Хрофтом.

Сигрлинн обвинила его в измене и ударе в спину Познавшего Тьму; Старый Хрофт возразил, что никого не предавал, а лишь спасал своих сородичей, сделав то, что должен был сделать давным-давно.

Сигрлинн не приняла его объяснений.

Их рукопашная схватка была в самом разгаре, когда с неба низринулись зелёные кристаллы Дальних, открывая порталы, откуда хлынул поток Древних Богов, собранных, наконец, со всего Упорядоченного.

Дальние сдержали слово, приведя Одину обещанное воинство. И, кроме того, попытались пленить саму Сигрлинн. Им бы это удалось, если бы не Райна. Валькирия втащила теряющую силы чародейку в раскрывшийся портал – сама не очень понимая, почему она так поступает.

Райна и Сигрлинн оказались в негостеприимном морозном мире, причём чародейка была тяжело ранена. Благодаря новым силам – словно бы вернувшимся к Древним Богам, к которым принадлежала и валькирия, – Райне удалось поставить Сигрлинн на ноги. Они попытались вернуться в привычное Упорядоченное, но выяснилось, что они – в странной изолированной его части, в цитадели Дальних, заполненной исполинскими, космических размеров зелёными кристаллами. «Конструкция», назвала это Сигрлинн. «Конструкция, упорядочивающая себя сама».

Пытаясь покинуть эти жуткие области, Райна и Сигрлинн видели в глубине зелёных кристаллов целые миры, застывшие, постепенно утрачивающие очертания, становящиеся частью поистине невероятного монолита.

Валькирии и волшебнице казалось, что они почти отыскали выход из зловещего лабиринта, когда их обоих погрузил в чёрное беспамятство внезапный магический удар, защититься от которого они уже не смогли.

Старый Хрофт в это время пытался вернуть сознание асам, выведенным им из царства Демогоргона. Он глубоко погрузился в новосотворённый Источник, забивший под корнями Иггдрасиля, выросшего из меча альвийской оружейницы; волк Фенрир, жестоко пострадавший во время схватки с Сигрлинн и её воинством, помогал как мог.

Посланец Дальних ожидал, что Отец Дружин исполнит данное слово и встанет во главе собранного воинства Древних Богов, готового выступить против «узурпаторов» Хедина и Ракота. Жертвуя собственную кровь, Старый Хрофт смог вернуть асам память и сознание, но и сам оказался обречён.

Локи, бог огня, однако, дерзнул бросить вызов его смерти.

Ему удалось вернуть Старого Хрофта из небытия.

Отец Дружин согласился возглавить воинство Древних, собранных Дальними, и повести его против Нового Бога Хедина, как того требовал посланец.

Наилучшим способом это сделать, утверждал Отец Дружин, будет атака Хьёрварда, мира, особенно близкого богу Хедину.

На ближних подступах Старый Хрофт обнаружил следы боя подмастерьев Хедина с Водителем Мёртвых Яргохором и понял, что тот вскоре вернётся. Однако гибель воинов Познавшего Тьму не была напрасна, они выиграли время.

Войско Древних, ведомое Отцом Дружин, встретило рать мёртвых в Хьёрварде и после долгого боя одержало победу. Яргохора окончательно повергли призраки павших подмасте-

рьев, Водитель Мёртвых отправился в пределы Демогоргона, а доблестно павшие воины Познавшего Тьму – в Валгаллу.

После победы, однако, посланец Дальних обвинил Старого Хрофта в измене. Но – из-за таинственных «новых обстоятельств» – покинул Отца Дружин и его воинство, на прощание отдав последний приказ – елико возможно, «во избежание искажений», задержать в Хьёрварде вступающего в него Спасителя.

Отец Дружин встретился с оставшимися в живых подмастерьями Хедина – невысокликами Фредегаром и Робинотом, а также примкнувшим к ним таинственным лекарем Фиделисом.

В город Хедебю нисходил Спаситель, и людей охватывало безумие. Старый Хрофт, подмастерья Хедина и Фиделис вступили в схватку с ангелами, слугами Спасителя, и подъятыми его силой мёртвыми.

Исход дела решило появление валькирии Райны, швырнувшей в Спасителя талисман Дальних (о нём ниже). Спаситель оказался заключён в несокрушимый зелёный кристалл. Хедебю и весь Хьёрвард получили отсрочку.

Валькирия Райна, дочь Одина, в начале событий пребывала вместе с волшебницей Сигрлинн во владениях Дальних. Дальние раскрыли свой план – вселенную Упорядоченного ждёт превращение в один исполинский кристалл, высшую степень порядка, и перерождение в новую Монаду, в нового Творца.

Тем не менее Дальние предложили Райне и Сигрлинн сделку – они помогают «исправить некоторые иррегулярности». За это Дальние пообещали отправить Райну и Сигрлинн «сквозь Хаос туда, где есть иные Вселенные», чтобы они тем самым избежали общей судьбы, превращения в часть вселенского кристаллического монолита.

Во время «доказательства», во время пробного странствия Райны и Сигрлинн через Хаос в созданной Дальними капсуле, валькирия каким-то образом оказалась отделена от волшебницы и вернулась обратно, а Сигрлинн осталась в пределах Хаоса.

Линия Сильвии Нагваль

Последняя из Красного Арка, дочь Хозяина Смертного Ливня, Сильвия Нагваль, после битвы на Утонувшем Крабе смогла выбраться из слившихся миров Эвиала и Мельина. Свободная от всех долгов и обязательств, она решила вернуться в Долину Магов – это место казалось ей наиболее соответствующим её способностям.

Без приключений добравшись до Долины, Сильвия быстро оказалась в числе воспитанниц местной Академии, скрыв свои истинные магические способности. Во время одной из своих вылазок далеко за пределы Долины она заметила отряд во главе со старой знакомой, валькирией Райной, что вёл куда-то целый сонм душ умерших.

Любопытство Сильвии оказалось сильнее всех прочих соображений.

Она последовала за Райной и её спутниками.

Погоня привела её на дорогу мёртвых богов, дорогу, которой следовали к домену великого Демогоргона Древние Боги, павшие от руки Ямерта и его родни, когда те, прозываемые Молодыми Богами (а сами они звали себя «любимыми детьми Творца»), огнём и мечом утверждали свою власть над Упорядоченным.

Здесь были очень сильны эманации Хаоса.

И Хаос сумел овладеть Сильвией.

По дороге ей встретился и очень, очень необычный спутник, назвавшийся «службой Спасителя». Он и впрямь походил на Спасителя, но только лишь внешне. Он предрёк, что они с Сильвией ещё встретятся, ибо «их миры в опасности», и то, что они якобы задумали, лучше всего делать вместе.

Сильвия не поняла туманных речей. Она прогнала незваного гостя, и тот удалился без гнева, попрощавшись и оставив её одну.

В Долине Магов Сильвию ждал неласковый приём. Ирэн Мескотт почувствовала Хаос в крови Сильвии и попыталась её «очистить». Сильвии удалось вырваться и бежать в окрестные леса; после этого, устроив восстание гоблинов-слуг и ошеломив чародеев Долины мощью дарованной Хаосом магии, Сильвия была вполне демократически избрана главой Совета Долины – и потребовала создания ни много ни мало Империи...

Получив возжеленную власть, Сильвия немедленно начала действовать. Захватить ближайший мирок под названием Джерто, уничтожить глупо жестоких королей, установить порядок, справедливые подати, извести разбой, а взамен получать из этого мира potřebное Долине и прежде всего золото.

Маги Долины, утверждала Сильвия, должны править и получать, а не «зарабатывать» или «наёмничать».

Однако на пути новоявленной правительницы Долины встал старый целитель Динтра. Он же – последний истинный Ученик Хедина, тан Хаген, владыка Хединсея.

Сильвия очертя голову ринулась в схватку – и потерпела полное поражение. Даже Хаос оказался бессилён против Хагена. Ученик Хедина мог бы убить Сильвию, но... оставил ей жизнь с условием, что она станет бить «не кого попало, а кого надо». Захватить Джерто Хедин разрешил, однако следующей целью назвал мир Читающих.

Устроив, насколько это было возможно, подготовку к походу на Джерто, Сильвия решила проникнуть в пустой дом Архимага Игнациуса.

С помощью Хаоса в крови ей относительно легко удалось преодолеть охранные чары и оказаться внутри. Там, в кабинете Архимага, её добычей стал манускрипт под интригующим названием «Теоретические основы и практическая реализация совокупности заклинаний для пленения божественных сущностей любой силы».

Сильвия быстро поняла, какое богатство попало к ней в руки.

Разумеется, Динтре она об этом рассказывать не стала. На следующий день её ждало выступление в её первый поход.

Отряду боевых магов Долины удалось относительно легко прорваться в подземные чертоги, где обнаружили ряды странных хрустальных шаров, заполненных жемчужной субстанцией. Маги сумели отогнать разумных обитателей этого места, похожих на изломанные тени. Достаточно быстро удалось понять, для чего служат загадочные шары – в них отражались творимые вокруг заклатья.

В этот момент с Сильвией вступил в разговор посредством мыслеречи некто, представившийся Кором Двейном, чародеем, предлагая «присоединиться к нему» и другим «борцам за свободу». Сильвия решительно отказалась. Пытаясь склонить её на свою сторону, чародей Двейн заявил, что помогает «обитателям этого места» и может доказать искренность своих намерений. Тем, кто направил сюда Сильвию – богу Хедину, например, – некоторое время будет казаться, что миссия её выполнена, и хозяева этого мира более никому не помогают своими наблюдениями магией. Через семь дней, решили Кор Двейн и Сильвия, они встретятся в Долине Магов и «поговорят».

Линия Ирмы Нарви

Ирма Нарви, девочка-сирота из того же мира, где нашла временный приют себе и своей семье Клара Хюммель, служила простой подавальщицей в трактире Свамме-гнома, в селении Поколь, по соседству с домом самой чародейки. Случайно обнаружив у Ирмы немалые способности к волшебству, Клара начала учить девочку.

Однако уроки эти обернулись не в добро, а во зло. Ирма угодила в ловушку, расставленную гномами-подмастерьями Хедина, вместе с детьми Клары Хюммель, откуда её спасла волшебница Соллей, названная сестра чародея Кора Двейна. Спасла и помогла вернуться домой; однако там, мстя за все пережитые ранее унижения, Ирма наполовину сожгла родное селение.

Волшебница Соллей помогла ей скрыться, забрав с собой в замок, где обитала вместе с названными братьями. Ирма сделалась теперь её ученицей.

Соллей открыла Ирме, что она не просто безродная сиротка, что её отцом был некий чародей по имени Гренн Нарви, и девочка унаследовала его силу.

После недолгого обучения Ирме, однако, пришлось вместе с наставницей Соллей выступить против подмастерьев бога Хедина. Чародейка, сперва называвшая Ирму «сестрёнкой» и утверждавшая, что в их замке «нет господ и госпож», перестала возражать, когда Ирма вернулась к привычной для неё почтительности.

В далёком мире Ирме предстояло «защищать порталы», через которые якобы перебрасывались подкрепления, необходимые для войны, что вели Соллей, Кор Двейн и Скъёльд против Познавшего Тьму; но не только. Соллей оставила в глубине земной тверди какие-то странные «закладки», могущественные чары, которые тоже надлежало охранять, «пока не наступит время». Соллей оставила магические капканы, куда Ирме было поручено завести подмастерьев Хедина; однако сама девочка решила, что непременно выяснит, что это за «закладки». Ирма заподозрила, что наставница попросту бросила её здесь, и решила во что бы то ни стало дознаться, что это за таинственные чары, чтобы было чем торговаться за собственную шкуру, если дело обернётся совсем плохо.

Ирма выполнила задание чародейки Соллей и даже оторвалась от преследовавших её подмастерьев. Она сумела узнать, что «магические закладки» предназначены для того, чтобы уничтожить мир и что-то сложное сотворить с душами всех в нём живущих, однако обезвредить их не могла. Волшебный волк Серко вывел её из обречённого мира и нашёл в Межреальности дорогу к раненой Кларе Хюммель. Там Ирма встретила не только с Кларой, но и со Сфайратом, чарореем Скъёльдом, гарпией Гелеррой и вампиром Ан-Авагаром.

Линия Хагена, тана Хединсея, ученика бога Хедина

Отправив в поход Сильвию, тан Хаген также собрался в дорогу. Однако стоило ему покинуть Долину Магов, как он ощутил чьи-то упорные усилия завести его в ловушку и сбить с пути. Хединсейский тан решил не бежать от опасности. Пробившись сквозь возведённые перед ним препоны, он столкнулся лицом к лицу с невесть откуда взявшимся Браном Сухой Рукой, которого считал погибшим ещё в самом конце событий, описанных в книге «Гибель Богов».

В том месте, куда привела Хагена извилистая тропа, на могильном камне лежало человеческое тело с лицом самого Хагена, владыки Хединсея.

В пылу ссоры Бран заявил Хагену, что «они» – очевидно, сам хединсейский тан, а также Новые Боги, Хедин и Ракот, – есть «чёрный мор сущего» и «бичи нашей вселенной», а потому он, Бран, явился «заменить Хагена».

Меч хединского ученика пробил горло Сухой Руке, и в этот момент мертвец на могильном камне шевельнулся.

Хагену пришлось сражаться с поднявшимся мертвецом, который постепенно принимал его облик, но в конце концов, поразив его, тан умер сам, а Бран Сухая Рука – воскрес.

Хаген оказался во владениях Демогоргона, возле Мирового Древа, на которое его поднял посланный кем-то демон. Среди ветвей тана ожидал великан Мимир, страж Источника Мудрости. Он просил помочь уничтожить портал Дальних, ведущий из пределов посмертия обратно в мир живых. Хаген сразился с демонами, охранявшими портал, увидел множество зародышей изменённых душ, из которых Дальние выращивали свои воинства. Возле самого портала возник Бран Сухая Рука, опрокинул туда самого свирепого стража и сам исчез, закрывая портал, а Хагена привёл в чувство великий дух Орлангур.

Он и призвал хединсейского тана на последнюю битву, в своё воинство.

Линия Ракота Восставшего, Владыки Мрака

Ракот вновь подчинил себе источник Кипящий Котёл и Тьму как изначальную субстанцию, возрождая свои Тёмные Легионы. Создав новую армию, он повёл её на помощь осаждённому Обетованному, которое штурмовали армии быкоглавцев и иных племён, служивших Кору Двейну, Соллей и Скьёльдугу. По пути к цели Ракот встретил Гелерру, однако ничего не заподозрил.

Его Тёмные Легионы ударили в спину войскам, осаждавшим их с Хедином дом.

Армия быкоглавцев и их союзников терпела поражение, воинство Ракота побеждало. Не желая без счёта убивать обманутых, как ему казалось, солдат неприятеля, Владыка Тьмы предложил вражескому предводителю поединок.

Вышедшее против него существо не отличалось ни ростом, ни статью, однако сумело удивить Восставшего, связав того боем и открыв внезапно провал в ткани Межреальности.

Ракот оказался пленён и – предстал перед «судом» Новых Магов. Непонятно было, в какой степени правдива была их похвальба, и, наверное, Восставший сумел бы освободиться, если бы не совершенно новая сущность, заговорившая с ним, сущность, сочетавшая в себе черты старой и недоброй знакомой Нового Бога и чего-то абсолютно иного, или же, быть может, известного, но принявшего невиданную доселе форму.

Она, эта сущность, укоряла Ракота и Хедина за поднятые восстания, за то, что они отказались последовать путём предыдущих поколений Истинных Магов, нарушив тем самым равновесие и оставив без посвящения Новых Магов, которые теперь не могли сделаться Истинными. Сущность уверяла, что Ракоту и Хедину настала пора исполнить своё предназначение, уступить место другим, приняв судьбу «мелкого лесного духа» или чего-то подобного. Угроза же Дальних, по словам сущности, преувеличена, ибо они подобны жукам-могильщикам, уничтожающим отжившее.

Ракоту же предлагалось, если он не желает становиться мелким лесным духом, сделаться Отцом Тьмы в некоей новой, более совершенной Вселенной, ибо его родное Упорядоченное – несовершенно и должно в свой час умереть. Тьма в нём не имеет прародителя и оттого якобы не может сыграть свою роль.

Ракот выслушал сказанное, всё больше и больше подозревая, что говорит с кем-то из Дальних, а затем попытался освободиться. Ему это удалось, и он бежал, по пути преодолев нечто, напоминавшее гигантский разруб, пролётший через всё сущее. Однако оказался Ракот в самых отдалённых окраинах Упорядоченного, весьма бедных магией.

...Он не знал, где очутился, но надеялся относительно быстро вернуться.

Скоро Ракот понял, что находится в очень странном месте – сила вокруг не двигалась, не ощущались её Источники. Спустившись в ближайший мир, Владыка Тьмы обнаружил, что и миры в отсутствие силы медленно умирают. С помощью местных чародеев ему удалось установить, что вокруг – лишь небольшая часть Упорядоченного, отсечённая от остальной Вселенной непреодолимым барьером, заполненным материей Хаоса.

Ракот, однако, стал готовить прорыв и столкнулся с названным братом Хедином, которого враги заперли в этой же ловушке.

Братья-боги попытались таранить преграду, используя мир, в котором находились, и веру смертных; однако попытка провалилась, и мир сильно пострадал.

Хедин, разобравшись в устройстве барьера, всё же смог взломать его – но при этом пожертвовал собой. Ракот Восставший остался один. Часть Упорядоченного, возвращённая в круговорот силы, оживала – а ему предстояло вести дальше войско брата Хедина и спасти Вселенную.

Линия Хедина Познавшего Тьму

Сознавая, что появление нового, четвёртого Источника Магии необратимо нарушает баланс сил Упорядоченного, Хедин Познавший Тьму пошёл на немислимое.

Сбросив телесную оболочку, он разделился как бы на три незримых ипостаси. Его истинная суть, средоточие того, что составляло его личность, отправилась напрямик к логову Неназываемого.

Хедин видел, что потоки новосотворённой пустоты ломают иные несчастливые миры, срывая с них так называемые «царства мёртвых», где собирались души умерших. Потоки этих душ устремлялись к Неназываемому и поглощались им.

Хедин проник и за последний барьер, откуда уже не было возврата, в самое логово Неназываемого. Он увидел, что поглощённые Неназываемым души обретают вторую жизнь в виде его жутких слуг, козлоногих.

Познавший Тьму постарался задержать падение поглощённых душ, собирая их вокруг себя.

Однако он знал, что должен вернуться. И там, в бездне Неназываемого, Познавший Тьму нашёл выход.

Он словно бы скопировал самого себя. Один Хедин навсегда оставался за чертой, за порогом Неназываемого. Другого неведомые силы перенесли обратно.

Для того чтобы остановить развал всего Упорядоченного, Хедину пришлось пойти на крайнюю меру – обратиться к вере смертных, мощному, но обоюдоострому оружию. Познавший Тьму спас низвергающийся в бездну Неназываемого мир, и с этого началось его возвращение...

Собрав армию, Хедин выступил через Упорядоченное, торопясь прийти на помощь Обетованному, где оборонялись его подмастерья и куда должен был явиться и Ракот. Двигаясь по Междумирию, он ощутил магические возмущения в одном из близких миров – спустившись туда, Хедин увидел, что мир проходит последний этап «спасения», когда там погибает всё живое. Новый Бог вступил в бой с ангелоподобными существами, слугами Спасителя, от которых узнал, что Спаситель якобы собирает души смертных в себе, дабы уберечь от куда более страшной участи.

Хедин заставил слуг Спасителя отступить, разрушил преграду, не дававшую магии свободно течь сквозь мир и буквально его удушающую.

Возле Обетованного Хедин убедился, что Тёмные Легионы одержали победу, а Ракот пропал. Своих победителей-подмастерьев Новый Бог послал в Хьёрвард, где также ощущалось сильное возмущение магии, сам же двинулся по следу тех, кто наслал армию быкоглавцев.

Воинство Хедина достигло летающего замка Кора Двейна и осадило его, даже несмотря на его способность двигаться сквозь Межреальность. Хедин не сомневался, что это ловушка, наподобие той, что попытался устроить Игнациус, но считал, что сумеет взломать её, вынудив хозяев лично «явиться за добычей».

Однако скала, на которой стоял замок, внезапно развалилась, открывая гигантское магомеханическое устройство. Оно пробило канал в плоти Упорядоченного, сбросив Хедина и его воинство в отдалённые, исключительно бедные магией области.

Он попытался вернуться обратно в Хьёрвард, но ощутил, что прямой путь разорван, Упорядоченное рассечено и в расщелины ворвался пылающий Хаос.

При попытке исследовать огненный барьер Хедин наткнулся на прощальный «подарок» своих пленителей: магического змея, пытавшегося деморализовать его воинство. Во время поединка со змеем Новому Богу удалось почувствовать следы его создателей, и отныне он знал их имена: Кор Двейн, Скъёльд, Соллей.

Потом, готовя вместе с Ракотом прорыв из ловушки, Хедин понял, что эти трое сумели использовать всех, с кем так или иначе враждовали Новые Боги, договориться, привлечь на свою сторону. Маги рассчитали всё точно и предусмотрели практически любой исход.

Кроме одного – что Хедин Познавший Тьму пожертвует собой, вплетя самого себя в заполненный Хаосом барьер.

Барьер разомкнулся, но и Хедин перестал существовать.

Однако та его ипостась, что прошла сквозь бездну Неназываемого, – осталась. Тот, другой Хедин, почувствовал гибель части себя; почувствовал и погрузившуюся в Хаос Сигрлинн и потянулся к ней.

Линия подмастерьев Хедина Познавшего Тьму

После успешного отражения натиска быкоглавцев на Обетованное подмастерья получили срочное задание – отправиться в Восточный Хьёрвард и выяснить причины магической аномалии в районе торговых городов Бирки и Хедебю.

В городе они обнаружили невесть откуда взявшихся проповедников Спасителя, провозглашавших наступление последних дней, приближение великой армии мёртвых и призывавших всех к покаянию. После конфронтации с одним из таких проповедников к подмастерьям обратился молодой человек, назвавшийся Фиделисом, лекарем, и поведавший, что уже давно ведёт борьбу со Спасителем, пытаясь, в свою очередь, спасти от него миры. Его родной мир подвергся всеобщему опустошению во время Второго Пришествия Спасителя, и лекарь Фиделис, владевший исцеляющей магией, оказался единственным выжившим, более того – он каким-то образом утратил способность умереть.

Именно его в своё время встретила Сильвия Нагваль во время своего пути к Долине Магов.

Так подмастерья узнали, что пресловутая «аномалия» связана с недавно родившимся сыном некоего ремесленника; Фиделис считал, что это – воплощающийся Спаситель. Однако, явившись к отцу ребёнка, невысоклики Фредегар и Робин выяснили, что младенец только что умер и похоронен.

На кладбище половинчики и Фиделис разрыли могилу, но оказалось, что мёртвый младенец – это ловушка, капкан, источник силы, поднимающий целый погост мертвяков.

Фредегар и Робин выдержали атаку ходячих трупов, а Фиделис каким-то образом оживил умершего ребёнка, повергнув невысокликов в шок.

Остальные же подмастерья – рыцарь Леотар, лучница Мьёлль, орки варлок Болг и воин Гронтар, радужный змей Александрос, а также гоблин и вампир – преградили дорогу воинству мёртвых, которое вёл не кто иной, как Яргохор, подпавший под власть Спасителя.

В жестоком бою погибли все подмастерья, кроме вампира; однако им удалось сбросить Яргохора в раскрытый ими провал Межреальности и разогнать его воинство.

После сражения со Спасителем в городе Хедебю (см. выше) Древнего бога Одина и его дочь, валькирию Райну, призвала Третья Сила. Половинчики Фредегар и Робин и лекарь Фиделис остались в Хьёрварде.

Пролог

Через всё Упорядоченное течёт великая река Времени, и нет у неё ни конца, ни края. Особый род драконов обитает в её водах – одни Мудрые говорят, что это «хранители покоя Минувшего Времени», другие – что они, напротив, «любимые дети Будущего», которое должно наступить в оный день, и будет прекраснее всего, что только могут вообразить себе не только люди или гномы, но даже и эльфы.

Великая Река незрима, однако, как хорошо известно, имеет и стремнины, и тихие старицы. Нет лишь мест, где Время остановилось совсем.

Всё в Упорядоченном движется от Будущего к Прошлому, исчезая в его туманах; но сейчас в пределах сущего появилось совершенно особое место.

Королева Вейде, эльфийка, бывшая хозяйка Вечного леса в Эвиале, а затем – владычица целого мира, куда ей удалось вывести свой народ, спасая от катастрофы, стояла в рядах воинства Золотого Дракона, великого Орлангура, Духа Познания. Над её головой, над острым навершием шлема мерно взмахивал крыльями жуткий Вран, аватара Духа, приведший сюда, на смертное поле, и её, и её армию.

Королева Вейде стояла, ощущая, как медленно, постепенно, но неотвратимо останавливается то, что она считала неостановимым – время.

Что это за равнина? Что это за место? Межреальность, да – но странно, причудливо изменённая. Межреальность, где перестали действовать привычные законы и правила; и Вейде не знала, к добру это или к худу.

Она подняла взгляд – и Вран, словно ощутив, тоже повернул к ней огромную голову, мелькнул алый отблеск страшных глаз.

«Готова ли ты, эльфийка?»

– Я готова, великий Дух, – она постаралась, чтобы голос не дрожал. – Но кто враг наш? То воинство, что перед нами?

«Ты должна быть просто готова. Нить тонка и вовсе не столь прочна, как нам бы хотелось. Будь готова исполнить всё и без колебаний!»

– Нить? Какая нить?

«Нить, удерживающая Упорядоченное, – загадочно, как и всегда, ответил Вран. – Будь готова».

– Я готова, – бессильно повторила она, опуская взгляд. – Но... я просила... я умоляла...

Окружавшие её знатные эльфы осторожно и чуть ли не с испугом начинали коситься на повелительницу. Она резко вскинула руку, низко опустив голову, мол, всё в порядке, это не вы, это я не к вам.

«Здесь не может быть никаких сделок, эльфийка. Здесь только чистая сила и готовность умереть. Ничего больше».

– Я не понимаю...

«И не надо, королева Вейде. Лишнее знание лишь умножит твою скорбь. Жди. Просто жди», – бесстрастно закончил Вран.

Чуть поодаль от эльфийской рати застыл уже знакомый Вейде воин – высокий, мощный, с кожистыми крыльями демона. Трогвар – было его имя, и Вечная Королева чувствовала бездны, сквозь которые ему довелось пройти.

За его спиной переминались причудливые создания, сперва принятые эльфийкой за его родню, – такой же пугающий вид, лапы с мощными когтями, крылья за плечами, словно у летучих мышей, пасти с внушительными клыками.

Но нет, слишком много в них было обычного, плотского, привычного.

Полудемоны?

«Они. – Вран даже не скрывал, что подслушивает её мысли. – Многие в сущем носили прозвище «дети Великого Орлангура», да немногие, увы, могли похвастаться чистотой крови».

Какие подробности, вздохнула про себя Вейде. Какие подробности, и совершенно ненужные сейчас, в день последней битвы.

Однако сколько же они могут стоять тут? Воинства выстраиваются для боя, не для пустого ожидания!

Полноте, но ждут ли они на самом деле? Ожидание – когда проходит время, а оно стояло, в этом Вейде не сомневалась. Они ждали – и не ждали разом, время шло и не шло, всё вместе.

Эльфийка досадливо покачала головой. Плохо быть ничтожной песчинкой в игре великих сил; то, чего она ненавидела всегда и больше всего, – внезапно осуществилось.

Хотя она ведь всего лишь спасала свой народ, и живых, и мёртвых!

«Жди! – в неслышимом для других голосе Врана сквозило раздражение. – Просто жди, и всё!»

* * *

Прошедший сквозь огонь умеет ждать. Воин Ракота Восставшего, Ракота Заступника знает, что такое терпение. Смертный, вырванный из-под власти времени, не человек и не демон, Трогвар не хуже эльфийской королевы чувствовал, что Великая Река остановилась, обходя, обтекая поле битвы.

Не человек и не демон. Вернее, и демон, и человек – потому что над высшими демонами, как и над кастой «первородённых», время не властно.

До срока, конечно же. Если прожить миллион миллионов дней, рано или поздно тебе на голову совершенно случайно свалится что-нибудь тяжёлое.

Крылатый Пёс ждал бесстрастно. Его воле был поручен отряд таких же полудемонов, как и он сам, – бывших слуг Восставшего. Из каких бездн извлёк их великий Орлангур, невозможно было даже и представить.

Однако говорили они на давным-давно забытом языке, языке, созданном повелителем Ракотом для таких вот, как они, плодов его стараний и погружений во Тьму.

– Храбах! – повернулся Трогвар к сотнику.

– Я, вожатый!

Выглядел Храбах, конечно, более чем внушительно. На голову выше Трогвара, крокодиля пасть, клыки не уступят кинжалам; алая чешуя покрывает всё тело, но на чресла целомудренно натянуты холщовые порты. С вышивкой.

С вышивкой, спали меня Ямерт!

В левой руке – круглый щит с додревней эмблемой Восставшего, чёрный клинок, ломающий солнечный луч. В правой – толстенное копье с насаженным на него длинным остриём, что с успехом могло послужить и мечом.

Как они вообще оказались на службе Духа Познания?

– Чем ты был занят, когда великий Дракон призвал тебя?

Ох, как же путается язык. Сколько веков и тысячелетий ты, Крылатый Пёс, не говорил на нём? А вот эти создания – не забыли. Хранят в чистоте, хоть сейчас букварь составляй.

– Стоял на страже вивлиофики Великого Тёмного, вожатый! – браво отрапортовал сотник. – На страже тайного книгохранилища!

– Оно до сих пор цело? – искренне удивился Трогвар.

– До сих пор? – так же искренне удивился в ответ Храбах. – Конечно, вожатый! Как же иначе? Воля владыки нашего, повелителя Тьмы, Ракота Восставшего, хранит её, и ни одна ямертова тварь не приблизится и на три полёта стрелы!

Ямертова тварь? Как интересно!..

– Давно ли, – осторожно начал Крылатый Пёс, – случалось тебе лицезреть нашего владыку? Или – слышать о его делах?

– Лицезреть, вожатый? Да совсем недавно, дни считанные – являлся великий наш владыка в свою вивлиофику, мы торжественно встречали, как положено, строем!

– Являлся. В свою вивлиофику. И вы встречали его строем?

– Строем, вожатый! – закивал сотник.

– А потом вас призвал великий Дракон?

– Так точно! Призвал.

– И вы повиновались?

– Повиновались, вожатый! Ибо знали мы, что Дракон – друг и соратник владыки!

Друг и соратник. Ещё более интересно.

– Ведомо ли тебе, с кем мы бьёмся?

– Конечно, вожатый! Бьёмся с ямертовыми тварями, с кем же ещё? Ведь у самого Обетованного, слышали мы, стоят дружины владыки нашего!

Никогда не показывай перед теми, над кем начальствуешь, своего удивления, а паче всего – растерянности.

– Молодец, сотник. Хвалю.

– Рад стараться, вожатый! И о тебе все знают-ведают, вожатый! – радостно осклабился Храбах. – Всем известна история великого воина из Дем Биннори, отринувшего Свет, ныне обретшего плоть истинную!

Ничего себе сотник! Чего только не узнаешь!..

– Совсем недавно встал ты в ряды Тёмных Легионов, а имя твоё уже гремит среди всех, верно служащих владыке Ракоту! Стекаются в нашу вивлиофику вести, мы же – не смотри, что ловко носим и копье и щит, – приучены всё расставлять по местам; и оттого наслышаны мы о твоей победе при Золотом Холме, при Песчаных Демонах, при Потухших Звёздах...

Крылатый Пёс остался бесстрастен, только кивнул утвердительно.

Золотой Холм. Песчаные Демоны. Потухшие Звёзды...

Да, там Тёмные Легионы одержали знатные, громкие победы. И да, он, Трогвар, вёл их в бой – Школа Меча в Дем Биннори хорошо учила не только размахивать клинком.

Однако ж это всё случилось давным-давно! Так давно, что даже он сам, Крылатый Пёс, о них почти забыл!..

Так неужели же?..

Остановившееся время, подумал он. Время, которое, похоже, повинуетя Третьей Силе. Я прожил тысячи и тысячи лет – а для этих бедолаг и впрямь прошло лишь несколько дней.

Но нет, нет, как это возможно?! Не настолько различаются потоки Великой Реки, я бы знал! Как можно было бы хоть чего-то достигнуть, если в твоей «тайной вивлиофике» всё длится и длится один бесконечный день в то время, как давно рухнули во прах стены Тёмной Цитадели?

– Приказания, вожатый? – осведомился сотник. Ну да, повелитель Ракот всегда допускал известную фамильярность нижестоящих. Считал, что военачальники не должны становиться замкнутой и особой кастой.

– Стоим и ждём, – лаконично отвечивал Крылатый Пёс.

– Ждём, так точно, – согласился Храбах. – Странно только – стоим, стоим, и жрать не хочется, да и ноги не устают! Вожатый, как так?

«Время, – хотел сказать Трогвар. – Время, которое не движется. Оно есть и его нет».

– То чары повелителя Ракота, само собой, сотник. Как же иначе?

– Верно, вожатый! – Храбах аж подпрыгнул. – Велик ты разумом, не зря Легионы водишь!

Велик разумом, ну да, ну да, – усмехнулся про себя Крылатый Пёс. Повернулся, заметив пристальный взгляд эльфийской воительницы, улыбнулся, приветственно развёл крылья.

Та быстро замигала – нечеловечески острое зрение помогало Трогвару – и слегка поклонилась.

«Скоро, – подумал он. – Совсем уже скоро».

* * *

Старый Хрофт, Отец Дружин, никуда не спешил. В день Рагнарёка торопиться некуда, всё и вся к тебе придёт само. Он оставил асов «хранить Асгард»; следовало надеяться, что пророчество вёльвы не окажется пустой болтовнёй, хотя б в той части, что говорила о новом рассвете, наступающем после великой битвы.

О том, что падут не все асы, что уцелеют сыновья Тора, Бальдр, Хёд...

Может быть. Однако всё уже совсем не так, как гласит прорицание.

Мягко ступают мощные лапы, почти неслышно, но владыка Асгарда слышал всё равно.

– Зачем ты вернулся, племянник?

– Я исполнил твоё поручение, великий, – Фенрир застыл перед Отцом Дружин. – Отвёл павших героев в Валгаллу. Пока ходил, явилась туда какая-то страхолюдина, на голове – пред- ставь, Всеотец! – змеи вместо волос! Правда, лицом красива. Толковала, будто её послала сама валькирия Рандгрид.

Старый Хрофт кивнул.

– Всё верно, Фенрир.

– Ну, я так и понял, провёл, пропустил. Рыцарь, правда, сперва несколько того, не сразу осознал, за меч схватился. Но девушка – Мьёлль – ему объяснила.

– Эх, и ведь даже мёда им не поднести... – вздохнул Отец Дружин.

– Почему это «не поднести»? – удивился волк. – Асы трудятся рук не покладая! Отец мой Локи огонь под котлами раздувает, Тор в тех котлах мешает, Хеймдалль сусло затирает, Ньёрд воду добавляет, Фригг-владычица всем заправляет!

– Так что ж, и пиво у них есть? – поразился Старый Хрофт.

– Эль имеется! – подтвердил сын бога пламени. – Мёд тоже будет, Сиф, Идун и Йорд уже сады закладывают, деревья быстро расти заставляют, пчёлы созывают!

– Пчёл... В день последней битвы...

– Да, великий, – кивнул волк. – В день последней битвы. Только его прожить надо так, словно за ним всё равно их великое множество. Ты нас всех так учил.

– Тебя точно не учил, – покачал головой Отец Дружин.

– Не учил, да слово твоё далеко разносилось. – Волк лёг рядом. – Эх, и трудно ж вас отыскать было! Чуть ноги не отвалились, покуда добрался. След – вот он, идёт себе прямо, а дорога знай вихляет да петляет. Кажется, целую вечность бежал.

Язык у него свешивался на сторону.

«Стоило ли спешить?» – Отец Богов из-под руки глядел на собравшееся, словно грозовая туча, воинство; в тёмных облаках над ним то появлялся, то вновь исчезал исполинский орёл.

– Призрак, – мигом определил волк. – Нежить летучая. На зуб попробовать нечего. Видимость одна.

– А над нами?

Фенрир вскинул голову – среди таких же облаков медленно, величественно проплывали золотистые изгибы исполинского тела.

– Тож самое, – тоном знатока объявил он. – Видение.

Видение... впрочем, Третьей Силе необязательно облачаться в уязвимую плоть, чтобы влиять на исход битвы.

– Так что же, дядюшка, – позволил себе фамильярность волк, – нам с ними биться, что ли? С орловым воинством?

– С чего ты решил?

– Мы ж против них стоим!

– Против-то против, да меж нами вон какое поле, – кивком указал владыка Асгарда. – А на нём, сам понимаешь, кто угодно появиться может.

– Угу, – понурился волк. – Я, например.

– Ты?

– Я, владыка. Как там сказано?

«Настало для Фригг новое горе,
Один вступил с Волком в сраженье,
А Бели убийца с Суртом схватился, —
Радости Фригг близится гибель».

– Мы здесь с тобой одни, племянник. Фрейра, что сразил великана Бели, здесь нет. И огненного великана Сурта тоже. Ты же рядом со мной, а не против меня, Фенрир.

Волк тяжело вздохнул, опустил лобастую голову на лапы.

– Пророчества – они коварны, Всеотец. Тебе кажется, что избегнул судьбины, а она тебе раз! – и нож в спину.

– Не думай о пророчествах, племянник, – рука Старого Хрофта коснулась волчьего загривка. – Думай лишь о чести. В последний день думать надлежит только о ней.

Пустое пространство за их спинами понемногу заполнялось. Волны тумана медленно расплзались в стороны, обнажая сухую, спёкшуюся землю, словно здесь погулял огонь.

– И это видимость, – Фенрир поднялся, поскрёб лапой.

– А они, – кивнул Отец Дружин на появившиеся из тумана ряды воинов, – тоже?

Новоприбывшие отличались ростом; полузмеиные тела, оканчивающиеся гибкими хвостами, две пары рук, на плечах – змеиные же головы. Ног не было, в ногах они не нуждались.

– Эти нет, – с сожалением вздохнул Фенрир. – Но ядовиты, тьфу! Такого даже с голодухи не слопаешь.

Узкие знамёна трепетали, хотя царило полное безветрие, и на них в чёрном поле извивался золотой бескрылый змей.

– Они поклонялись ему, – заметил волк.

Новые и новые отряды появлялись из колышущегося туманного моря. Руки, лапы, щупальца – сжимали древки, эфесы, рукояти.

Поднимались луки и самострелы. Потрескивали огни на посохах чародеев и чародеек; Старый Хрофт сидел вполоборота, глядя на собирающееся у него за спиной воинство.

– Рагнарёк... – вновь пробормотал волк. – Рагнарёк, а мои рост со статью так и не вернулись. Впрочем, оно, наверное, и хорошо.

– Это почему же?

– Тебе будет легче убить меня, дядя.

Отец Дружин только вздохнул.

* * *

Перед ними лежала нагая безжизненная, сухая равнина. Равнина, над которой не гуляли ветра, где всё застыло в неподвижности. Здесь всё было не то и не так, всё было обманом и правдой – разом; воздух, которым она дышала, привычная земная тяга, даже солнечный свет и низкие тёмные тучи над головой.

Валькирия Райна стояла в рядах бесчисленного воинства, а над её головой расправлял крылья великий Орёл.

Она не знала, с кем им предстоит сражаться, – на другой стороне, за ничейной полосой, темнели ряды другого воинства, с золотым Драконом, величественно проплывавшим в облаках над ними.

И ни одного знакомого лица рядом.

Были тут минотавры и крысолюды, были орки и люди – все косились друг на друга, словно не понимая, что делают в одном строю с ними их странные соседи. Не горели костры, не было ни обоза, ни бивуака, к чему привыкла Райна ещё со своих наёмнических времён.

И время, да. Здесь не было времени.

Валькирия повернулась к стоявшему рядом воину – могучему минотавру с бычьей головой, парой рогов и мускулистым торсом, раза в два шире обычного человеческого.

– Кто ты? Как звать тебя?

– Барх, госпожа, – с готовностью отозвался минотавр низким рокочущим басом.

– Почему ты зовёшь меня госпожой? – удивилась Райна.

– Ты и сёстры твои несутся в небесах на крылатых конях, – минотавр глядел на неё с глубоким почтением. – В глазах твоих отблеск вечного неба и тех чертогов, куда вы уносите павших героев. – Он склонил рогатую голову.

– Благодарю тебя, – только и смогла вымолвить валькирия. – Но... разве ты из мира под названием Хьёрвард?..

– Нет, досточтимая. Мой мир далёк, однако и там знают твоих сестёр, небесных воительниц.

– Почему же ты понимаешь мою речь, хотя я говорю на языке моего отца, Древнего бога?..

– Нет, госпожа, – почтительно возразил минотавр, – это ты оказываешь мне честь, обратившись понятными словами, наречием моего родного мира.

Райна только покачала головой.

Минотавр знал, кто она такая. Знал, что она – валькирия, и долг её – провожать павших в Валгаллу. Как? Откуда?

Всё поистине смешивается на этом поле в день последней битвы, подумала она. Миры и времена. Предания и правда.

– Райна, – не чинясь, протянула она руку минотавру; тот со внезапной ловкостью опустился на одно колено, низко склонил рогатую голову, осторожно коснулся губами её боевой рукавицы.

– Счастлив биться рядом с тобой, небесная всадница.

Товарищи Барха, прислушивавшиеся к их разговору, один за другим тоже стали опускаться на одно колено.

– Веди нас в бой, звёздноокая! – прогудел кто-то столь же низким басом, что и у Барха.

– Веди! Веди! – подхватили и остальные.

Легко сказать – веди. Но против кого? И за что?..

«Осталось немного, – сухо сказал Орёл в её сознании. – Время должно быть выбрано с величайшей точностью. Ни мгновением раньше и ни мгновением позже».

– Но с кем мы должны биться?! – не выдержала воительница.

Ответа не последовало. Великий Дух сам выбирал, когда говорить и когда молчать. Приличия, равно как и вежливость, его не волновали.

Райна глянула вправо, влево – совсем недалеко от неё, шагах в пяти перед строем щитоносцев-людей застыл высокий воин в сияющей броне, с вычеканенным на груди царственным змеем – василиском.

Она видела его совсем недавно, точно видела, но где? И почему не могла вспомнить? Уж на что на что, а на память валькирия не жаловалась.

По другую сторону, и тоже на несколько шагов перед другими, стоял коренастый гном, опираясь на устрашающего вида бомбарду, сияющую начищенной бронзой.

И его тоже Райна помнила, должна была помнить – смутные видения всплывали из глубины памяти, какой-то трактир, накрытый стол... может, сталкивалась в своих странствиях?

Он то и дело оборачивался – за ним стояли отнюдь не сородичи из Подгорного Племена, а целая орда низкорослых, суесящихся гоблинов, вооружённых кто чем – кривоватыми пиками, сделанными, похоже, из костей гигантских рыбащеров, заржавленными скимитарами, даже каменными топорами. Строя они не держали, толкались и пихались, переругиваясь высокими, визгливыми голосками.

Наконец гному с бомбардой это надоело.

– А ну тихо! – гаркнул он так, что даже минотавр Барх разинул рот. – Тихо, недорослые! Живо построились, а то от вас места мокрого не останется! Эвон, на той стороне – не видите, слепыши?! – пещерные огры! Забыли, какое у них любимое лакомство?!

Орава зеленокожих враз присмирела. Гном для верности щёлкнул затворами бомбарды, сперва одним, затем другим.

– Со щитами – вперёд! – командовал он, и Райна понимала его речь так же, словно они были в Асгарде. – С копьями – второй ряд! Которые там с луками? Это что, вы луками зовёте?! Силы всеблагие!.. Вы из такого даже в курицу не попадёте! У которой уже башка отрублена! И которая перед вами, остолопами, лежит!..

Райна, сказать по чести, никаких «пещерных огров» на «той стороне» не лицезрела, но гному, наверное, виднее, что сказать своему отряду.

Воин с василиском на груди наблюдал за всем этим, слегка улыбаясь. Боковины и наличие шлема спускались низко, улыбки было почти не разглядеть, но она была.

– Храбрая воительница!

Голос был звучен и твёрд, голос привыкшего повелевать.

Райна обернулась. Минотавры обернулись тоже, с известной ревностью уставившись на шагавшего к ним человека.

– Привет тебе, достойный воин.

– Тебя называют «небесной всадницей»? Уж не из дочерей ли ты Древнего бога Одина, о коем я слышал от моего учителя?

– Да, – просто сказала Райна. – Валькирия Рандгрид, что значит «Разбивающая Щиты» – моё настоящее имя. Но кто же твой учитель?..

– Великий Ракот, Владыка Тьмы, – улыбнулся человек. – Я был императором Мельина.

– Я бывала там, – вспомнила Райна. – Вместе с чародейкой из Долины Магов, Кларой Хюммель и... и другими.

– Долина Магов, – кивнул Император. – Конечно, как же без неё; прихотливы извивы судьбы, валькирия Рандгрид, дочь великого Одина! Я жил, и я погиб; но, властью моего повелителя и наставника, Ракота Заступника, я могу сражаться здесь. В воинстве Орла, Духа Соборной Души мира. Это куда лучше, чем лежать в могиле.

Райна кивнула. Император ей нравился.

– Но кто же наши враги, владыка Мельина?

– Я вижу Золотого Дракона в небесах, но Дух Познания с Духом Соборной Души враждовать не могут, говорил мне наставник Ракот. Ведь это же одна Сила! Нет, скорее всего, мы ждём кого-то – или что-то – готовое броситься меж нашими воинствами. Ударить с двух сторон было б хорошим планом.

– Но кто же может?..

– Козлоногие, например. Слышала ли ты о них, валькирия Рандгрид? Если говоришь, что бывала в Мельине, не могла не слышать.

– Слышала, как не слышать, – Райна криво усмехнулась.

– Это просто пример, – Император погладил эфес. – Кто знает, на борьбу с какими врагами вывели нас Орёл и Дракон? Но в одном я уверен – Третья Сила бьётся во имя нашего мира, всего сущего, всей вселенной. Здесь я не сомневаюсь.

...За их спинами гном с двустольной бомбардой продолжал строить непонятливых гоблинов, невесть как очутившихся в воинстве великого Орла.

– Я должна была вспомнить тебя, владыка Мельина, – вдруг сказала Райна. – Мы виделись. Совсем недавно. Но где, как, почему?

Император покачал головой.

– Я уже не человек, или, во всяком случае, не совсем человек. Память валькирии, дочери великого Одина, куда лучше моей.

– Кто-то не хотел, чтобы мы помнили об этом и друг о друге, – вырвалось у воительницы.

– Быть может, – нахмурился Император. – Но так ли это важно? У Третьей Силы свои планы.

– Воистину, – пробормотала валькирия себе под нос. – Планы у них свои, и посвящать в них они не любят. Никого. Даже тех, кому предстоит за них биться.

* * *

«Готов ли ты сражаться под моим началом?» – спросил великий Демогоргон, перед тем как тан Хаген окунулся в пламя очередного портала.

Конечно, он был готов. Готов ко всему, и ничуть не удивился, оказавшись на краю исполинской равнины, где в серых низких тучах мелькали то Золотой Дракон, то Белый Орёл. Перед хединсейским таном, перед последним учеником Хедина застыло воинство, протянувшись ровной лентой от горизонта до горизонта; просто воинство, без тылов, без лагеря, без обозов. Не горели костры, не варилась вечная походная каша; не бродили маркитанты и маркитантки, и вообще казалось – вся эта ошетилившаяся железом масса свалилась сюда прямо с серого неба, а не пришагала обычным порядком.

«Теперь ты всё видишь сам», – беззвучно сказал ему Орёл.

– Ничего не вижу, – с грубоватой откровенностью бросил Хаген. – Из огня да в полымя, великий! Вижу войско, не вижу, с кем должно сразиться. Вижу Золотого Дракона на той стороне, не вижу противника!

«Увидь врага, – раздалось с настойчивой силой. – Увидь, тан Хаген. Ты не зря был учеником Истинного Мага Хедина. Впрочем, почему «был»? Зерно Судьбы Зерном Судьбы, но узы ученичества куда крепче. Смотри в оба, тан!»

– Когда я шёл в поход, враг был передо мной, великий Дух. Я знал, против кого посылаю в бой свою дружину.

«Увидь врага, ученик Хедина. Не жди, что всё и всегда будет сделано за тебя. Враг у каждого здесь свой».

– На войне так нельзя, великий. Военачальник указывает цель и отдаёт приказ. Воины исполняют.

«Постарайся понять, что старые правила перестали действовать».

Тан пожал плечами. Рука легла на эфес – и это был привычный, знакомый до последней выбоинки и царапинки эфес его памятного клинка.

Тот самый голубоватый меч, добытый для него учителем Хедином у Бога Горы в Южном Хьёрварде.

Что ж, по крайней мере одно из обещаний великий Орёл исполнил.

Третья Сила не правит, Третья Сила не даёт указаний, Третья Сила не приказывает. Во всяком случае, не напрямую. Когда напрямую – значит, дело и впрямь дошло до края.

Странно, но Хаген не ощущал ни усталости, ни голода, ни жажды. Одежда и оружие, собственное тело – всё казалось воплощённым, настоящим, реальным. И в то же время...

«Я помню, что я погиб. В прошлый раз Учитель сумел удержать на самом краю Серых Пределов, а теперь? Соборный Дух не принял меня, но вернулся ли я в мир живых? Или по-прежнему мёртв и в полной его власти, во власти великого Орла?»

Время шло, и время стояло. Армии ждали и армии пребывали в навек, казалось, застывшем мгновении.

Увидь врага, хединсейский тан.

Ощути его. Пойми, кто на самом деле угрожает существу и как эту угрозу побороть.

Два воинства, две рати, но куда больше возможных исходов. Застывшее время, подобно мосту над бурными водами; под тобой несётся грохочущий поток, и ты сам выбираешь момент, когда стать его частью или же не становиться вообще.

Миг свободы, превращённый почти в бесконечность.

То магическое состояние, когда выбор ещё не сделан, когда всё ещё можно изменить и по-новому раскинуть руны судьбы.

Голубой меч чуть дрогнул в ножнах.

Что-то или кто-то – совсем уже близко. Ожидание кончится, и выбор надо будет делать очень быстро.

* * *

Белый тигр по имени Барра пробирался тропами Межреальности. И со стороны он казался донельзя печальным тигром.

О нём все забыли. Его все бросили. Всякие там Древние Боги, великие маги и прочее, и прочее, и прочее – забыли о нём, оставили, устремившись каждый по своим донельзя важным делам; и никто из них не стал спасать его хозяйку. Совсем-совсем никто.

Белый тигр Барра был хорошим тигром. Магическое существо, он настойчиво, неколебимо пробирался одному ему ведомыми путями, следуя за едва ощутимым запахом воительницы Райны.

Иногда он ловил оказавшихся у него на пути неосторожных тварей Межреальности, иногда приходилось спасаться ему самому, однако ни задержать, ни тем более сбить его с пути не могло ничто.

Упорядоченное содрогалось, реки Хаоса врывались в его пределы, огненная стихия выжигала всё на своём пути, но тигр был хитёр и осторожен. Кого надо, он ловил, от кого надо – убегал сам.

Отыскать хозяйку – вот и весь сказ.

Его преследовали стада хищных быстроногих ящеров – Барра легко справился бы с одним, одолел бы пару, не спасовал бы перед троицей. Но от двух дюжин пришлось уносить ноги уже ему.

И он унёс, попутно оторвав башку самому дурному и голодному из преследовавшего Барру гурта.

В Упорядоченном творилось что-то невообразимое. Пути, ведомые всем магическим существам, те самые, что с трудом пролагали маги, меняли начертания, уходили то вправо, то влево, то вверх, то вниз, а то и вовсе исчезали; приходилось пробираться неведомыми дорогами, частенько приводившими к логовам всяческих любителей полакомиться тигрятиной.

Но всё это не имело значения. След хозяйки, запутанный, слабый, то и дело прерывающийся, вёл сквозь миры, вёл до тех пор, пока не исчез совсем.

Другой тигр остановился бы или даже повернул назад, занявшись чем-то более приятным, но не Барра. Он был верен. Он один понимал, что такое верность.

С того места, где пропала хозяйка, вёл ещё один след, и тигр сумел сложить два и два вместе.

Он двинулся по новому следу, за новым запахом силы; это оказалось куда легче, ибо перед этой силой расступались все без исключения хищники Межреальности.

Тигр не ведал понятия «время», он лишь знал, что в пути уже долго. И сейчас он понял, что уже в самом конце.

Однако это был поистине конец. Дороги дальше не существовало – никакой, ни плохой, ни хорошей, да и самой Межреальности тоже.

Перед ним лежало необозримое Ничто, затканное серыми туманами; казалось бы, обычное дело в Междумирье, но Барра чувствовал, что там, за этой мягкой завесой, лежит нечто, не подчиняющееся никаким привычным законам.

Тигр остановился. Он видел, как добычей клубящегося тумана становились неосторожные обитатели Межреальности; даже самые сильные или хитрые не могли вырваться, едва их касались серые щупальца.

Барра ждал. Он обосновался вблизи того места, где в холодной мгле тонул след того существа, что привело его сюда; ибо если где-то и есть вход в это логово, так только здесь.

Он ждал и слушал.

Хозяйка где-то там, внутри. И он или дожждётся её, или найдёт способ проскользнуть туда, ибо – подсказывали ему инстинкты тигра – нет такого логова, из которого никто никогда не выходит и, соответственно, никто туда не заходит.

Надо только подождать.

Правда, спокойного ожидания не получалось. Туман волновался, протуберанцы жадно лизали заросли хищных полипов, не оставляя от них даже корней, напрочь растворяя и поглощая саму твердь, ими покрытую, поневоле пришлось перебраться подальше.

Тигр охотился, но лишь по необходимости; время он проводил, следя за колыханиями серой завесы да уворачиваясь от загибающихся туманных щупалец.

Хозяйка там, он знал это точно.

Нужно лишь дождаться подходящего момента.

Глава 1

Ракот Восставший

– К походу.

Лагерь поднимался, шевелился, но медленно, проклятье, слишком медленно!

Да, это не Тёмные Легионы времён расцвета...

– К походу! – рявкнул Ракот.

Ракот Восставший, последний из Новых Богов. Брат Хедин пал, открыв армии дорогу обратно к сердцу Упорядоченного – его, Восставшего, долг закончить начатое.

Он не сломался, когда бой кипел по всем уровням Тёмной Цитадели и он с отрядом верных, то таявшим, то вновь прибавлявшим в числе, шёл залами и коридорами, опрокидывая слуг Ямерта, сбрасывая их со стен; он не сломался, когда оказался один против всего скопища Молодых Богов, когда оружие было выбито из его длани; он не сломался, стоя на судилище, когда друг и брат, Хедин Познавший Тьму, зачитывал ему приговор.

Не сломается и сейчас.

– К походу! Шевелись! Встали, кто жить хочет!

Армия вставала. Удивлённо таращилась на разъярённого Ракота.

Приказ «к походу» подхватили десятники, сотники и тысячники. Воины подбирали немудрёную справу, отряды сбивались длинными змеями, над головами поднимались значки и знамёна.

– К походу!

К походу, так, перетак и растак. Рука Восставшего стиснула эфес чёрного клинка. Нет, он не подведёт и он не посрамит! Ни за что и никогда!

Брат Хедин совершил немыслимое.

Полностью, абсолютно немыслимое.

Он открыл своему воинству дорогу обратно, но страшной ценой. Ценой, истинно достойной Хедина Познавшего Тьму.

Нового Бога не стало. Названный брат вновь сделался тем, кем они все, Истинные Маги, были изначально – Великим Пределом, чертой, отделявшей светлое от тёмного, лёгкое от тяжкого и горячее от холодного.

Сила из большого Упорядоченного вновь лилась в отрезанный было от него ломоть; брат Хедин не просто проломил возведённый барьер, он сделался его частью.

Всюду за спиной Ракота, в мирах, обречённых на медленную и мучительную смерть сотворившими это «отделение», с облегчением вздохнули тьмы и тьмы живых. Кто-то пал на колени, кто-то молился; и даже здесь, в несчастном мире, где он, Ракот, явился в Цех Магов, где встретил старика Марви, в мире, таранившем злосчастный барьер, – люди, не сомневался Ракот, сейчас танцуют, пляшут и поют, несмотря на постигшую их катастрофу.

Им нужна помощь, срочно. Они заплатили величайшую цену – и какой из него Владыка Тьмы, коль не позаботится о верных своих воинах?

А ведь у Обетованного так и остались его Тёмные Легионы...

Нельзя терять время.

А что он скажет Сигрлинн... об этом он подумает потом.

– Кирвад!

– Я здесь, владыка Ракот!

– Воинство готово к походу?

Вопрос явно был излишним.

– Почти готово, владыка! – обиженно вскинул подбородок сильван, только что копытцем не притопнул. – Но... дозволено ли будет спросить...

– Спрашивай.

Хозяин Тьмы знал, о чём будет этот вопрос.

– Где же повелитель Хедин? Где наш великий предводитель?

Что ему ответить, этому Древнему, лесному божку, верному воину названного брата?

– Кирвад. Мой брат и твой повелитель, бог Хедин Познавший Тьму покинул нас. Он совершил великий подвиг. Небывалый... Он открыл нам дорогу, чтобы мы могли вернуться и продолжать борьбу. Крепись, Кирвад. Иного я тебе не скажу.

Кирвад замигал круглыми глазами, захлопал по-девичьи длинными ресницами.

– Владыка Ракот, это так... необычно. Войнство следовало за великим богом Хедином...

– И ты хочешь сказать, что оно не слишком счастливо следовать за мной? – хмыкнул Ракот.

– Великий бог Хедин призвал нас к служению, – негромко, но твёрдо проговорил сильван. – Мы ведаем, что ты – его брат. Великий бог Хедин велел нам внимать твоему слову. Мы готовы к походу, владыка. Но...

– Но мне не стоит ожидать того же повиновения, коим вы наградили моего брата?

Кирвад вздохнул.

– Великий бог Хедин вёл за собой верой в него, владыка. Не страхом или пустыми обещаниями.

– Ты смел, сильван. Храбрость твоя мне нравится. – Ракот смотрел поверх крутых рогов Кирвада на суету в лагере. – Но запомни и передай остальным: Тьма терпима – она принимает, Свет выжигает – но до поры. Мы довершим начатое великим Хедином. Он успел рассказать, что вы штурмовали некий замок...

– О да! – воодушевился Кирвад. – Это была славная битва, владыка!..

– Вот и поведай мне о ней.

* * *

...Для мира он сделал всё, что мог. Возвратившаяся сила помогала поднимать из праха горы и прочерчивать новые русла рек, сажать леса и наполнять сухие лоны океанов. Леса получались, если честно, мрачноваты, но что поделать, талантов Ялини он так и не обрёл.

Войско тянулось тёмной змеей сквозь привычные призрачные пейзажи великого Ничто. Сила вернулась, и Междумирье сделалось прежним, исчезла его пугающая раздробленность, разомкнулись заполненные огневеющим Хаосом барьеры, в которые брат Хедин влил самого себя. Вот и сами эти барьеры остались позади, невидимые, но по-прежнему неприятно ощутимые, как сдвинутая крышка бездонного колодца.

Междумирье казалось прежним, но только на первый взгляд.

Древние забеспокоились первыми. И, будучи большей частью Светлыми, послали к Владыке Тьмы Кирвада, не только как старшего, поставленного великим богом Хедином, но и как хозяина «тенистых мест». То есть Светлого, но как бы и близкого к Мраку.

Хотя где истинный Мрак и где те лесные тени!..

– Что-то творится с сущим, владыка.

Ракот шагал, закинув на плечо свой исполинский меч. Он тоже вслушивался в отзвуки ветров магии, в движение её потоков, но всё оставалось как будто бы прежним.

– С сущим всегда что-то творится.

– Нет, владыка, – Кирвад pokrutil рогатой головой. – Это сказала Тхенчана, а она не ошибается.

«Тхенчана? Это ещё кто такая?»

– Хорошо. И что же?

– Да будет владыке благоугодно последовать за мной, – поклонился сильван.

...Древние сбились своим отдельным отрядом.

Кирвад деловито цокал копытцами, покрикивал:

– Дорогу! Дорогу!..

– Ну, и где эта твоя Тхенчана? – Ракот озибался по сторонам.

– Здессы, владыка.

Древняя Тхенчана Светлой, разумеется, не была. Огромная улитка с гротескно-человеческим лицом, широченная пасть, усеянная острейшими зубами, глаза на стебельках-ниточках; правда, раковина роскошна – извивы её сверкали всеми ведомыми Ракоту драгоценными камнями.

– Я Тхенчана, владыка, – улитка говорила низким, слегка свистящим голосом, сдержанным, предупреждающим. – Я Сслушающая Ночь, я Внимающая Зорям. Подошва моя вбирает дрожь мира, и я вижу, что ессть, что было и что будет...

– Ты не в святилище, – предупредил озабоченный сильван. – К делу, почтенная, к делу!

– Дай договорить, не ссспеши, рогатый, – фыркнула Древняя. – Я лежу и ссслушаю, владыка, и ссслышу, что мир замирает. Далеко-далеко от нас, однако он замирает, сссловно льдом покрывается. Великий Лёд нассступает, и, хотя он ещё очень далеко, вссскоре он доберётся и до нас.

– Великий Лёд? – Ракот нахмурился.

– Великий Лёд, – подтвердила Тхенчана. – К нам вернулась сссила, владыка; мы, Древние, – инсструмент тех, кто намораживает этот Лёд.

– Откуда знаешь? – требовательно бросил хозяин Тьмы.

– Я – Ссслушающая. – Если б улитка имела плечи, она, наверное, ими бы пожала. – Я ссслушаю и зсснаю. Я зсснаю, что Лёд наступает. Миры замирают в нём. От него нет ссспасения.

– Это кто сказал?! – Ракот поудобнее перехватил меч.

– Ты можешь ссспассстиссь от холода, владыка, облачившиссь в меха или разведя огонь. Но ты не можешь изсссгнать Зсссиму.

– Очень даже могу! – громыхнул Ракот. – Не играй словами, Древняя! Ты можешь указать, откуда исходит угроза?

Ему показалось, или в больших шаровидных глазах улитки на самом деле мелькнула насмешка?

– Отовссысюду, владыка. Идёт лавина. Или волна. Или прилив.

– Избавь меня от мутных прорицаний! – рявкнул владыка Тьмы. – Где те, кто управляет этим? Ведь не само же оно всё началось, верно?

– Они сссами – Лёд, – просвистела-прошипела Древняя. – Они – он. И он – они.

– Тьфу, пропасть. Ты не можешь указать нам направление?

– Они ссстали умнее, владыка. Я помню – я ползссала по дну крошечным моллюском, а они уже были у нас в мире. Ссстроили... ссооружения. Монасстыри... крепоссти... Их можно было победить. Потом они поняли – нужно, чтобы удар не во что было направить, не в кого. Как мальки ссбиваются в ссстаю и расссыпаются, ессли появляется хищник. Они расссыпались, владыка. Раньше я ссслышала их поссступь. Теперь – нет.

– То есть всё равно, куда идти, лишь бы – навстречу Лёду?

– Великий владыка вссё ведает сссам.

Ракот криво усмехнулся.

– Тогда пришла пора решить, кто из нас и где встретится с этим твоим Лёдом.

* * *

– Слушайте меня, слушайте все! – Ракот стоял на взметнувшейся «скале», изломе Междумирья, у подножия которой он только что самолично изничтожил все хищные заросли. Лицо бледно, глаза заполнены жёлтым пламенем, тёмные струйки дыма стекают с кончиков прядей; алым остался только его знаменитый плащ. – Слушайте и не говорите, что не слышали! Мой брат, великий Хедин, покинул нас, он проложил путь сквозь поистине неодолимую преграду. Он заплатил великую цену, чтобы спасти множество миров, обречённых на гибель в ловушке, и всех нас – вы сами это видели! Да славится имя его!

Ответом ему был рёв сотен глоток – однако, кроме восторга, в нём слышалась и немалая растерянность. Новый бог был к этому готов.

– Мой названный брат оставил нам дело. Великое дело. Те, кто заточил нас, творят сейчас в Упорядоченном великое зло – многие из вас уже почуяли это. Они задумали разрушить наш дом, принести гибель всему живому – наше дело найти их и остановить! Кто встанет у них на пути, кроме нас?!

Воинство напряжённо внимало – большего сейчас и не требовалось.

– Вы не присягали мне, – гремел Ракот, – вы избрали своим вождём великого Хедина, и только ему обязаны верностью. Поэтому те, кто захочет вернуться в свои родные миры, могут сделать это беспрепятственно. Тем же, кто пожелает остаться, я обещаю славную войну! Войну не за добычу, не за славу, но за все миры сразу! Войну справедливую! Враг перед вами будет невиданный, могучий – но с иным вам и сражаться не пристало, так ведь?

– Так! – взлетело над морем голов.

– Не сомневался в вашей храбрости, – Ракот обвёл живое множество взглядом. – Однако я властитель Тьмы, и я призываю на помощь своих старых слуг. Не все из вас захотят сражаться плечо к плечу с ними; понимаю и этого не требую. Уходите сейчас все те, кто не верит мне, кто страшится Мрака и его порождений, потом уже не будет места дрогнувшим и усомнившимся!...

...Нет, довольно нашлось тех, кто и впрямь захотел вернуться; Древние, однако, почти все остались.

Кроме Кирвада.

– Ты? – искренне изумился и огорчился Ракот, когда курчавоволосый сильван шагнул к нему, склоняя голову.

– Я, владыка, – вздохнул Кирвад. – Я был с великим Хедином с самого начала, я вёл поверивших в него, а сейчас должен сопроводить домой тех, кто – не гневайся, владыка, – не станет сражаться под стягом Тьмы.

– Я не гневаюсь, – покачал головой Восставший. – Всегда жаль, когда тебя оставляют верные. Но – пусть будет по слову твоему, Кирвад. Веди всех, кто захочет за тобой последовать. Остальным предстоит иная дорога. Тьма никого не принуждает. Мне нужны лишь те, кто и впрямь готов идти до конца.

Сильван понурился.

– Мы шли за богом Хедином...

– Не повторяйся, – сурово остановил его Ракот. – Свой долг перед моим названным братом вы исполнили. Теперь исполни собственный – перед теми, кто остался в живых. Отведи их домой. Быть может, очень скоро вас позову уже я; и тогда вы сами решите, вставать под «знамёна Тьмы» или нет.

...Хозяин Мрака стоял, скрестив руки на груди, провожая долгим взглядом ведомую Кирвадом колонну.

Уходили люди, уходили светлые существа, расы, кого и впрямь страшила ночь. Гордые стяги, аквилы и сигнумы скрылись; многие оборачивались, как показалось Ракоту, с невольным стыдом.

А кто оставался?

Древние. Ну, конечно, эти-то никуда не делись. Светлые и Тёмные, боги и божки дня, ночи и сумерек; почуявшие вернувшуюся силу, жаждущие крови, деятельности, поклонения.

Нет, остались многие и многие. И с ними ему предстояло прежде всего пробить дорогу к самому сердцу Упорядоченного – к Тёмным Легионам, к Обетованному.

К источнику Урд.

Восставший потряс головой, расправил плечи. Выкрикнул зычно:

– Вперёд!

И сам зашагал первым.

* * *

...Для ведающего пути через Упорядоченное, между мирами, разделёнными безднами пространства, не бывают слишком длинные. Воинство стремительно оставляло позади населённые области, обитаемые сферы миров, однако каждый переход давался всё труднее. Теперь и Новый Бог ясно ощущал, как ярится сила, как сбиваются великие потоки – где-то там, впереди, за неведомыми поприщами пространств; как само мироздание трещит по швам. И от этой долгой дороги, от того, что Чёрный меч не мог вмешаться немедленно, не мог крушить крепости и разить врагов, Ракот едва не сходил с ума.

Настало время собирать камни, а камней накопилось с преизлихом.

Брат Хедин успел рассказать о троице магов, сумевших поколебать равновесие, – что ж, он, Ракот, доберётся до них, и тогда они заплатят за всё.

Кор Двейн. Скъёльд. Соллей.

Трое магов, достигших, судя по всему, если не бессмертия, то сравнимого с ним долголетия. Трое магов, договорившихся, как сказал Познавший Тьму, со всеми – и всех же предавших.

В том числе и Дальних. Интересно, а Молодые Боги тоже в этом как-то замешаны? Не удивлюсь, подумал Ракот. И так называемые Новые Маги. Словом, все недовольные, все утратившие величие и власть – всем Двейн, Соллей и Скъёльд успели что-то наобещать, от всех что-то получили.

Троица неведомых магов – первый камень. Ещё один – надвигающийся «лёд», явно работа Дальних, и на сей раз они не размениваются на мелочи, не крушат отдельные миры, а берутся сразу за всё Упорядоченное. Неназываемый – благодаря брату его удалось сдержать, но алчная пасть всё равно грозит близлежащим мирам. И где-то в глубинах мироздания скрылся Спаситель.

Собирать камни просто. Достаточно вновь присоединить к себе Тёмные Легионы, сторожившие покинутое Обетованное; поставить себе на службу Источники, все три изначальных Источника, их совокупную мощь, а там видно будет.

Брат Хедин посмеялся бы над этим планом, но куда завели Познавшего Тьму его собственные построения, такие мудрые, глубокие, предусматривающие, казалось бы, всё?

– Тхенчана. – Он остановился возле Древней, невозмутимо тащившей свою внушительную раковину. Глаза на длинных стеблях повернулись к Восставшему:

– Я внимаю, владыка.

– Что ты слышишь?

– Лёд, – кратко отмолвила улитка, и глаза вновь качнулись, словно кланяясь. – Лёд наступает, владыка.

- А ещё? – нетерпеливо бросил Ракот.
- Где-то впереди ссссобираетссся великая битва, владыка. Я чувсссствую, как в ужасссе дрожшиит твердь.
- Кто с кем бьётся?
- Глаза опустилиь долу.
- Не ведаю, великий. Сссскрито. Лишь дрожшиь расссходитесся во всссе сссстороны.
- Хм. Ладно. Ещё?
- Ещё, владыка? Нам навссстречу движетесся великая рать.
- Вот так бы сразу, – повеселел Восставший. – Сколь велика? Кто в ней? Можешь ли сказать?
- Ты требуешшиь многого, владыка. Я не вельва, коей открыто насссстоящее и грядущее. Я лишшиь одна из тёмных Древних. Не гневайссся на верную твою сссслугу.
- Заладили все одно и то же, «не гневайся, не гневайся»! – буркнул Ракот. – Хорошо. Как далеко те, что хотят преградить нам путь? И какой именно из путей они пытаются преградить?
- Дорогу к Иссссточнику сссстарого великана, владыка.
- Не к Обетованному?.. Что ж, разница невелика. Быстро сообразили, однако. Тем лучше. Спасибо тебе, Древняя Тхенчана. Как далеко враг, слышишь ли?
- Ссссовсем близко, владыка. Когда угассснет нынешний сссвет, мы сссойдёмссся с ними.
- Ничего лучшего и желать нельзя! – громыхнул Восставший. – Готова ли ты, а, Тхенчана?
- Я давно не пила сссвежей крови, владыка.
- Хватит с преизлихом, – посулил Ракот. Понял взгляд – ему внимали многие и многие Древние вокруг. И большинство – Тёмные. Светлые оставались чуть поодаль, после ухода Кирвада они держались особняком.
- Внимали кентавры, минотавры (в отличие от быкоглавцев, с двумя руками, а не с четырьмя); люди – правда, не столь много, большинство их ушло-таки с сильваном. Эльфы – почти исключительно Тёмные. Примкнувшие по дороге собакоголовые. Сколько-то вольных гарпий, напоминавших Гелерру, так и исчезнувшую после их краткой встречи на подступах к Обетованному.
- Они все пошли за Хедином и теперь шли за ним.
- Братья! – зычно выкрикнул Ракот, выпрямляясь. Его сейчас видело и слышало всё воинство. – Враг, тот самый, что расколол Вселенную, готов заступить нам дорогу!.. Это будет славная битва, это будет славная охота!
- Ему ответили, но, конечно, далеко не столь воодушевлённо и уверенно, как ему б того хотелось. Знал Ракот куда более яростные и дружные возгласы – даже когда оборонялся на последних ярусах Тёмной Цитадели.
- Остановиться! Разбить лагерь! Пусть они придут к нам – мы будем готовы!

* * *

Глубоко-глубоко в Упорядоченном лежат странные области, забытые и Тьмой, и Светом; да и прочие силы не жалуют их вниманием. Сюда не проникают заклания Новых Богов, здесь властвуют совсем иные хозяева.

И пространство тут заполнило нечто, подобное Долине Магов: мир посреди Междумирья, плотный сгусток, к которому вела тёмная пуповина, протянувшаяся откуда-то из бездн Межреальности.

Окажись здесь кто-то, способный смотреть и видеть не только простым зрением, ему предстало бы нечто вроде исполинского роя, плотно сбитого, шевелящегося, вздувающегося и

вновь опадающего. Двигались конечности, раскрывались и вновь захлопывались пасти и буркалы.

Окажись здесь искусный – очень искусный! – маг, владей он инструментарием редкостных заклятий, он, быть может, сумел бы уловить, что перед ним не просто скопище неведомых существ.

Он понял бы, что перед ним – Армада.

Армада – так она называла себя.

Потому что была едина во многих.

Потому что мыслила, а следовательно, существовала.

Её создали Начальствующие, нарастив на скелет из стали и магии плоть великого множества существ, самых разных и удивительных.

Начальствующие вложили в неё всё, что она могла и знала.

И сейчас ей наставало время пробудиться.

Вперёд, во мглу Межреальности отправились те, кто мог сам проложить себе там дорогу. Маги, Древние – и с ними неожиданно вызвалась Тхенчана.

– Я услышу больше в одиночестве, владыка.

Остальное воинство спешно устраивалось. Дикий Лес, заполнявший Междумирье, где сводился под корень, где, напротив, усиливался чарами. Межреальность такова, что владеющий соответствующими заклятиями атаковать может и сверху, и снизу – не так, как на поверхности земли.

Дикий Лес склонялся пред волей Владыки Мрака. Тьма ползла меж жирных тел хищных полипов, вросшие спруты спешили смотать широко раскинувшиеся ловчие щупальца, забиться в логово, слиться с окружающим; иные обитатели этих мест бежали, кто мог.

Окружающее пространство тускло, тёмный туман поднимался меж белёсых стволов; глазом мёртвой птицы глядели окрест тугие линзы дозорных чар.

Отпорная линия изгибалась, подобно луку, выдаваясь вперёд на крыльях и проваливаясь в центре; сверху и снизу тоже занимали позиции отдельные отряды.

Здесь Ракот был в своей стихии. Что может быть лучше честного боя, грудь на грудь?.. Что скажет больше о враге, чем открытая схватка?

Его хотят задержать? Что ж, будем считать, они своего добились. Пусть приблизятся.

И пусть Древние вволю напьются крови тех, кто дерзнул встать у него на пути.

Мрак поднимался, словно приливная волна, затоплял впадины и низины, предательская твердь тонула в густой дымке. Метались какие-то крылатые создания, похожие разом на летучих змей и на способных ползать птиц.

Ракот шёл вдоль линии наспех возведённых укреплений, останавливался, вглядывался в лица; Древние, особенно Тёмные, не скрывали жадной радости, жестокого предвкушения, Светлые большей частью молчали, хотя и склонялись пред ним.

Люди, гарпии, минотавры, песьеглавцы и прочие, готовые биться, кланялись тоже. Однако всё-таки чего-то в них не было, чего-то не хватало – наверное, той веры, с которой они все в один прекрасный день отправились за Хедином Познавшим Тьму.

За Её же владыкой они шли тоже, но...

Вот именно, что «но».

Скорее бы, думал Восставший, глядя в сгустившийся по его приказу мрак. Пусть скорее начнётся, чтобы всё вновь стало легко и просто – мы, они, и надо убивать, чтобы не быть убитым.

...Мрак вздрогнул, лёгкая рябь бежала, как будто мальчишки, забавляясь, швыряли дружно камни в сонный пруд. Тьма приняла чужие шаги, передала их дальше, спокойная, верная лишь себе самой, и лишь позволяющая кому-то использовать её силу.

– Владыка, – громадная раковина Тхенчаны возвышалась даже над ним, истинным великаном. Рядом с Древней – ещё двое, помельче: змеедева с огромными фиолетовыми глазами и неуклюжий на вид толстяк с головой бегемота на широченных плечах, с огромным брюхом и на столь тоненьких ножках, что неведомо, как на них удерживалась подобная туша.

– Они идут, владыка. Я слышу поссстуть. Они – тоже.

– Да, владыка, – вступила змеедева, растянула синевато-зелёные губы в ухмылке, обнажая множество мелких, но очень острых зубов. – Тхенчана слышит, а я чую. Холодная кровь, много холодной крови.

– Невкусные, – неожиданным фальцетом пропищал толстяк. – Неживые.

– Мертвецы? Ходячие трупы? Скелеты? – деловито осведомился Ракот.

Этот враг был привычным. Сам Владыка Мрака к чистой некромантии прибегал весьма редко, и даже в отчаянном положении, когда всем уже стало ясно, что Цитадель обречена и отсидеться не удастся даже в самых дальних отнорках – к массовому подъёму мёртвых в мирах за спинами Светлых так и не прибёг.

В Тёмных Легионах были и костяки, были монстры, составленные из древних мослов, но их оживлял Мрак, эманации Тьмы, а не той жуткой силы, к которой обращались так называемые настоящие некроманты. Сила эта вилась по Упорядоченному, не имея собственного Источника, слагаясь из устроенного Творцом порядка; сила эта, всеобщий могильщик, Смерть, подпитывалась отовсюду, откуда могла.

Тхенчана качнула глазами на стеблях, изобразив нечто вроде отрицания.

– Нет, владыка. Они не живы и не мертвы. Кровь их холодна. Сердцссса их быютссся, но душ их я не чую. Не зсссснаю, как такое может быть. Так говорят они – Рудиа сссс Билихосом. Я им верю.

Змеедева и Древний с башкой бегемота на плечах дружно поклонились.

– Не видала ранее таких, владыка, – змеедева свивала и вновь развивала жемчужночешуйчатый хвост.

– И я не видал! – пискнул толстяк Билихос. – И не едал! – добавил он без малейшего смущения.

– Тогда к бою, – распорядился Ракот. – Тхенчана, останешься со мной.

– Повинуюссссь, владыка.

Армада долго ждала этого часа. Утроба сотряслась и раскрылась. Рой отделялся от скелета. Чудовищные машины смолкали, им больше нечего было делать. Великое множество пришло в движение.

Части Армады покидали породившее их, складки пространства смыкались, ничтожные искорки жизни, оказывавшиеся у неё на пути, гасли, становясь её частью.

Правда, не все. Одна из них, особенно надоедливая, некое время назад вместе с другой подобной проникшая в самое сердце Армады, сумела освободиться.

Когда-то сохранение в тайне самого существования Армады представлялось Начальствующим необычайно важным, но те времена прошли и минули, настала пора явить миру её истинную мощь, и потому единичная жизнь, исчезающая в туманах Междумирья, не имела значения. Преследовать её не стали, она уже никак не смогла бы повредить.

Сейчас приказы были чётки, ясны и недвусмысленны – Армаде предстояло отыскать Врага, сильнейшего из оставшихся одиночек.

Потом предстояло столкнуться с иным Врагом, точнее, Врагами, едиными во множестве, подобно Армаде. Но до этого было ещё далеко – сперва требовалось справиться с последним одиноким Врагом.

А он был действительно одинок. Память Армады, заботливо собранная и вложенная в неё Начальствующими, хранила известия о великой битве, в которой этот Враг уже один раз оказался повержен, и Армада сделала выводы.

Тогда за него сражались с отвагой и яростью. Армада не действовала в рамках этих понятий, но знала, что это такое, и могла анализировать, когда надлежало предсказать действия тех, кто противостоял ей.

Враг был одинок. Его собственная сила, однако, возросла. Это делало его особенно... ценным, с точки зрения Начальствующих.

Армада занимала исходные позиции. Она никуда не торопилась.

...Мгла Межреальности раздалась, отхлынула, словно океанский прилив, подчиняясь могущественному заклинанию, спрессовавшему в единое мгновение долгие часы. На свободное пространство из куш Междумирья выступало воинство, и даже Восставший удивлённо сощурился, на него глядя.

Сквозь заросли Дикого леса, ломая и круша всё, что не успело убежать, улететь или скрыться в глубину магического пространства, выдвигалась армия – без знамён, штандартов, вообще без каких-либо значков или эмблем. Коричневая и тёмно-зелёная пятнистая масса, и над ней поднимались горбы и конечности каких-то чудовищ.

Бойцы – ростом куда выше обычного человека, иные на двух ногах, как люди, иные напоминают кентавров, иные – псов. Лязгает железо, натягиваясь, хлопают ремни. Шипят колеса и шкивы. Скрежещут шестерни.

– Конструкты. – Ракот Восставший презрительно сплюнул. – Тоже мне, воителей нашли!.. Вот об этом ты меня предупреждала, Древняя? Вот этого я должен был остерегаться? Да так низко не опускался даже Ямерт!..

Кто-то из магов неподалёку расхохотался, ткнул пальцем в сторону приближавшихся шеренг, толкнул соседа локтем, сосед загоготал в унисон.

Конструкты. Анимированные магией создания, иные напоминают ожившие механизмы, иные – кадавры – слеплены из отжившей своё человеческой (или иной) плоти. Мастерить конструктов может хоть и не любой маг, но, в общем, какого-то невообразимого таланта или неизмеримых сил тут не требуется.

Через увлечение конструктами проходили, наверное, все чародеи-мужчины; было в этом что-то от мальчишеских игр в солдатики. Другое дело, что вояки из конструктов никудышные: они умели в лучшем случае лишь ничтожную часть того, что умел их создатель.

И уж, конечно, никому ещё не удавалось сотворить конструкт, что превзошёл бы хоть в чём-нибудь своего творца.

Ракот Восставший повёл плечами, переложил из руки в руку чёрный меч. Он испытывал сейчас нечто вроде настоящего разочарования – не битва, не бой даже, а так, насмешка какая-то.

Впрочем, где-то неподалёку должен сидеть, укрывшись и накрывшись всем, чем только возможно, чародей-кукловод; достань его, и вся эта скрипящая, шипящая, ковыляющая орда встанет.

Ракот Восставший редко недооценивал противника. И сейчас, полупрезрительно оглядывая ряды конструктов, он напряжённо искал подвох.

Что, если это лишь отвлекающий манёвр? Что, если на самом деле главный удар вот-вот обрушится совсем с другой стороны?

– Тхенчана. Всё ли тихо у нас за спиной?

– Вссё тихо, владыка, – откликнулась Древняя; кажется, она тоже была озадачена.

– Смотри в оба! И слушай тоже!

– В оба сслушать не могу, владыка. Сступня у меня одна.

Воинство конструкторов было многочисленно, оно охватывало укрепленную линию Ракота широким полумесяцем. Далеко оттянувшиеся крылья тонули во мгле, над рядами вздымались длинные механические руки-лапы с резаками, гигантскими топорами, шипастыми ядрами на толстенных цепях и прочими смертоубийственными орудиями.

И всё равно это была насмешка.

Не такое и не таких должны высылать против Владыки Тьмы, только что вырвавшегося из небывалой западни.

И чем больше Восставший размышлял, тем крепче убеждался – те нелепые создания, что сейчас перед ним, не более чем приманка, наживка, клюнув на которую, он непременно угодит в настоящий капкан – навряд ли того, что подстроили ему Новые Маги.

Новые маги вместе с...

Он потряс головой. Брат Хедин очень не любил слов «не может быть».

Всё может быть.

К нему подбегали начальствующие над отрядами и тысячами, они ждали приказов.

– Стоять и не двигаться, – следовал неизменный ответ.

Конструкторы, впрочем, тоже не торопились. Скрипя и скрежеща, занимали позиции. Ракот, зло сдвинув брови, глядел на бесконечные ряды нелепых уродов – оживлённые тараны, баллисты, даже несколько осадных башен. Зачем?.. Они же по определению тупы и не смогут справиться даже с обычным ополчением.

Ждать их атаки? Не лезть в западню? Хорошо, когда у тебя много времени, однако враги не дремлют и продолжают наступать.

– Древняя, слышишь ли ты Лёд?

Огромная улитка шевельнулась, глаза обратились к Восставшему:

– Да, владыка. Он движется, и никто его не остановит, кроме нас.

– Никто, кроме нас, – повторил Ракот, больше сам себе, чем Древней.

– Я не хочу в лёд, – вдруг всхлинула змеиная Рудия.

– И я не хочу! – пискнул Билихос. – Там холодно! И на зубах скрипит! Ел я как-то вмёрзших...

– Осссавь, – просвистела-прошипела Тхенчана, и божок немедленно оставил. – Владыка рассмывает!..

Чего тут размышлять, сердито подумал Ракот. Кто бы ни послал эту ходячую свалку, он знал, что делает – выигрывает время, быть может, готовя новую западню. Ибо, если ему – им – удалось разделить само Упорядоченное один раз, где гарантии, что не удастся и повторить? И куда ни глянь, впереди маячит конец той Вселенной, которую они с братом Хедином приняли, которую защищали и оберегали как могли.

– Ну что ж. – Восставший перебрал из руки в руку чёрный меч. – Пора поразмяться.

Армада терпеливо ждала. Враг может атаковать, а может и не атаковать – планы имелись на каждый случай. Даже простое промедление, потеря Врагом времени играли на руку Начальствующим и соответствовали их намерениям.

Ход предлагалось сделать Врагу, и он по глупости и гордыне, конечно же, его сделал.

...На пустое пространство овеществившейся Межреальности, легко перескочив через рвы и палисады, выбрался черноволосый гигант в алом плаще, казалось, он чуть ли не весь состоит из Тьмы, и лишь ярко-огненная вспышка багрянца не давала ему окончательно слиться с мраком.

Плащ взметнулся, затрепетал, словно кровавый стяг под ветром. Чёрный меч поднялся для атаки.

Владыка Ракот шёл сам начинать сражение.

Голос его разнёсся над полем битвы, и слышали его все, от края до края:

– Кто тут набольший – выходи! На честный бой, на поединок!..

О, Восставший очень хорошо помнил, чем закончилось подобное его действие совсем недавно, в битве при Обетованном.

Но сейчас он был готов.

Твердь Межреальности может быть мягче пуха и крепче твердейшего камня. Может обернуться гладкой дорогой, а может – неодолимыми пропастями и безднами. Ракот ощущал, как магическая субстанция сгущается, укрепляется у него под ногами; пласты сдвигаются, словно щиты гномьего хирда.

– Выходи! – гаркнул он снова.

Он был уверен, что его поймут. Во всяком случае, поймёт тот – или те, – кто отправил сюда это скопище.

Конструкты стояли, молча пялясь на него причудливым разнообразием выкаченных буркал, им было явно наплевать на все и всяческие вызовы.

Восставший остановился в одном полёте стрелы от вражьего строя, окинул его презрительным взглядом.

– Что, никого нет? Нет никого, кто осмелился бы встать против меня?

...В прошлый раз такой нашёлся, и это кончилось плохо, во всяком случае, на время. Смертные и бессмертные, маги и боги – все склонны повторять раз удавшийся приём.

– Что, никого не сыскалось? – возвысил голос Восставший. – Печально!.. Воистину, умаляются старые доблести, когда почётным считалось ответить на вызов неприятеля!..

...Ещё немного, и он будет готов. Честное слово, этот План одобрил бы сам брат Хедин.

Перед молчаливыми конструктами он мог бы разоряться ещё очень долго. Их это, судя по всему, устраивает, если он, Ракот, правильно всё рассчитал, то...

Ряды молчаливых созданий шевельнулись, вперёд продвигалось существо – не существо, конструктор – не конструктор, зомби – не зомби. Громадное, нелепое, с пятью лапищами (все разной длины, последняя торчит из спины, причудливо загибаясь крюком), нагое, покрытое пластами чешуи, словно сорванной с самых разных созданий: иная напоминает рыбу, иные куски – явно черепахового панциря, иные – смахивают на драконью броню. Башка большая, круглая, словно пивной котёл, опоясанная кольцом маленьких глазок, впереди – пара глаз побольше; вместо ног – тележные колёса, на брюхе – какое-то подобие шестов-толкателей, торчащих прямо из гигантской туши. Рта нет, как и носа, – очевидно, конструктор не нуждался ни в воздухе, ни в еде с питьём. Как и в том, чтобы произносить речи. Сейчас он катил навстречу Ракоту, сжимая в каждой из пяти лап по смертоубийственному оружию, пятая, самая длинная, держала сеть.

Ракот усмехнулся. Чёрный меч нетерпеливо вздрогнул в ладони.

Ну что, снова попытаетесь уловить, хитрецы?

Уловляйте.

И тут твердь под ногами вздрогнула. Судорога прокатилась из конца в конец поля боя, болезненно отдавшись во всё существо Восставшего. Нет, вражеские чародеи не привели в действие хитроумные ловушки, не сработали капканы с силками – строй конструктов не шелохнулся, и только пятирукий урод катил-толкался навстречу; нет, судорога пришла откуда-то из невообразимой дали, словно из самого сердца Упорядоченного.

Где-то там столкнулись силы, способные разнести в пыль само Сущее; злая, неприятная дрожь отдавалась в глубине черепа, в резонанс заныли кости.

Что ж, этим тоже придётся заняться как можно скорее...

Ракот заставил себя ещё шире развернуть плечи, ещё яростнее затрепетал алый плащ, словно вбирая в себя мощь настоящего урагана.

– Честный бой! – прогремел он во всю глотку, не сколько, чтобы подбодрить собственное воинство, а для проверки; и не ошибся.

Дрожала сама плоть Межреальности, дрожала мелко, неостановимо, и содрогания эти проникали всё глубже и глубже, втягивая в резонанс всё более и более глубокие слои.

Только одна сила оставалась в Упорядоченном, способная на такое, – но что они учинили, Орёл с Драконом?!

Но это мы скоро узнаем – потому что пятирукий конструктор был уже здесь.

Остриё чёрного меча качнулось из стороны в сторону.

Армада имела чёткий и недвусмысленный приказ. Врага следовало, самое меньшее, задержать на время, достаточное, чтобы исполнить намерения Начальствующих. Каковы эти намерения, Армаду не интересовало.

Враг так ничему и не научился. Он покинул ряды своего живого воинства, бросая слова, что показались бы Начальствующим «смешными». Армада не умела смеяться и не знала, что такое смех. Во всяком случае, это не имело отношения к тщательности и точности выполнения приказов.

Начальствующие имели много планов и отдали много распоряжений. Одним из них было изучение возможностей Врага, познание открытого ему, доступных чар и предела сил.

Армада взирала на Врага множеством глаз, воспринимала всё, содеянное им, множеством сознаний; подвергала осмыслению и спешила уведомить Начальствующих.

Вызов, брошенный Врагом, открывал новые возможности – как и предвидели Начальствующие. На вызов можно было отреагировать по-разному – но, после недолгого размышления, Армада приняла решение, и один из её инструментов двинулся навстречу Врагу.

Пятая рука конструктора вдруг дивным образом удлинилась, словно в ней с неимоверной скоростью росли кости и плоть, попутно облачаясь чешуйчатой бронёй. Острый, мгновенный укол силы, и сеть распустилась широким веером; она лишь казалась сплетённой из обычного вервья – чары, сложные, прочно сцепленные, выдерживающие даже эту странную дрожь сущего.

Ракот уклонился легко, играючи. Можно было бы одним ударом развалить конструктор надвое, но Восставший разыгрывал поединок совсем с иной целью.

Кто-то должен был управлять этим воинством, кому-то приходилось дёргать кукол за ниточки. Нет, не было и не будет полностью, абсолютно независимых от воли господина автоматов, какие-то команды затаившийся чародей отдавать был обязан.

Конструктор ловко развернулся на месте – колёса крутились в разные стороны – и с похвальной резвостью махнул чем-то вроде крюкастой гизармы, кою с лёгкостью держал одной лапищей. Тёмное лезвие свистнуло совсем рядом; Ракот уклонился вновь, чувствуя, как загорается в боевом азарте; сколько раз, добровольно ограничив собственные силы, сражался он во множестве миров против магов и драконов, вампиров и оборотней, когда сами слова «честный бой» горячили кровь.

Но сейчас он не давал себе увлечься этой никогда не приедавшейся игрой. Тьма легко скользила по ткани Междумирья, и её Владыка, сам почти сделавшийся ею, одним движением оказался за спиной конструктора; боком, из полуповорота, рубанул, остриё чёрного клинка легко скользнуло, небрежно, совсем чуть-чуть, задев покрывавшую конструктора чешую; брызнули коричневатые ошмётки, из раны, нарочно неглубокой, вдруг ударил поток тёмного не то дыма, не то пара, густого, словно чернила в воде. Конструктор закружился, вслепую отмахиваясь, и тут уклоняться пришлось уже Ракоту.

Однако того, что он искал, так и не проявилось – пока не проявилось, поправил он себя. Маги, что должны были управлять всем этим, отмолчались; Ракот не ощутил новых чар. Хороший конструкт, видать, – со многим способен справиться сам.

Со многим, но не с Владыкой Тьмы!..

Он не ограничивал себя. Так должно было *казаться* со стороны.

Должно было *казаться*, что Ракот Восставший заигрался в вечного воителя, что добровольно отказался от большей части собственной силы.

Враг послушно делал всё, что могла пожелать от него Армада. Поединок разворачивался так, как ожидалось. Каждое движение Врага, каждый взмах его оружия запечатлелись сотнями и тысячами глаз, уходили в глубину сознания и памяти Армады, а потом и к Начальствующим.

Враг оказался настолько любезен, что сам рассказывал о себе всё, что только мог, и даже больше. Армада наблюдала и за его воинством, ибо оттуда за Врагом наблюдали неравнодушные, выдавая чувствами то, чему лучшие всего было бы оставаться сокрытым.

Само собой, против одного Армада не возражала.

Ракот удерживался позади автоматона, хотя это оказалось нелегко, – создание лихо крутилось на одном месте, отмахиваясь всеми пятью конечностями.

Остальные конструкты дисциплинированно ждали.

Восставший продолжал скользить, всё более становясь Тьмой, расточаясь, растворяясь в Ней, улучая момент для следующего удара.

«Я заставляю тебя высунуться. И притом безо всякой магии».

Он кружил и кружил вокруг многорукого конструкта, а чёрный меч так и мелькал в его руках.

«Я заставляю тебя высунуться, маг!»

Выпад, укол, летят ошмётки пробитой чешуи. Конструкт дёрнулся, слепо отмахнулся, едва не угодив Ракоту в плечо.

Осторожнее, осторожнее!.. Или они просто тянут время любыми способами?

...Да, похоже, они явно тянули. Ну что ж, тогда пришла пора – Ракот извернулся, проскользнул под свистящим веером чужой стали, оказался рядом с бронированным боком конструкта, ударил, и меч его погрузился по самую рукоять.

Острие упёрлось во что-то твёрдое; вверх по клинку устремилась волна смертельного холода, вцепилась в пальцы Ракота, замораживая даже саму Тьму; из разруба хлынул незримый поток чужой магии – чужой, но странно знакомой магии, с какой названный брат Хедина не сталкивался уже неведь сколько тысяч лет.

Зимний холод, вымораживающий даже самые глубоко ушедшие корни дремучих лесов, стужа, обращающая озёра в сплошные ледяные монолиты; мороз, убивающий одним касанием даже птиц на лету, однако оттуда, из глубин туши эту силу подпирала совсем иная – словно могучие крылья всё тех же лесов гнали и гнали прочь скопившееся в ночи.

Ракот зарычал, рванулся, освобождаясь. Конструкт рушился, заваливался набок, но своё дело он сделал – Владыка Тьмы потерял драгоценные секунды, а вражье войско покатилося на него со всех сторон, подобно морскому приливу.

Конструкты хлынули мимо него и на него – все разом.

Армада всматривалась и вслушивалась; отзвуки боя разносились далеко, отражались от сути Междумирья и возвращались обратно. Враг, по-прежнему ни о чём не догадываясь, терял и терял время, и это было хорошо; уничтожение выдвинутой против него крошечной частички Армады ничего не меняло и изменить не могло.

Зато Армада собрала множество бесценных сведений.

Теперь она – а следовательно, и Начальствующие – точно знала, что Враг изменился, что прежняя суть его утрачена, и теперь он почти полностью являет собой воплощение Тьмы. Это делало его в чём-то сильнее, но и куда больше ограничивало. Он по-прежнему уповал на грубую силу, по-прежнему видел в оружии продолжение себя, проецируя силу самым древним и малодейственным образом.

Если бы Армада могла смеяться, она бы, наверное, расхохоталась.

Враг был совсем не так могущественен, как представлялось Начальствующим. Его мощь сделалась подобной стенобитному тарану, способному сокрушать башни и бастионы, – но и только.

Установив всё, что она могла установить, Армада начала выполнять следующую часть плана.

Согласно заданным Начальствующими границам, такой Враг был для них бесполезен. Его нельзя использовать, следовательно, его существование не имеет смысла.

Враг должен быть уничтожен.

Автоматоны нахлынули со всех сторон, Тьма и клинок Ракота закрутились вокруг него, рубили и разили – капля в море, крошечный эпизод сражения. Вечный воитель – ему позволено забавляться подобными поединками. Владыка Тьмы – совсем иное дело. Кипящий Котёл пока ещё слушался, и Ракот, отбрасывая все преграды и ограничения, потянулся к давней своей силе.

Тёмный Источник откликнулся с готовностью, словно только того и ждал. Там, где застыл Восставший, закрутился чёрный вихрь, он ширился и рос, подхватывая один конструкт за другим, рвал их в клочья, несмотря на броню, чешую и прочные стальные скелеты.

Да. Это было прекрасно, здорово – свобода от всего, от всех законов пресловутого Равновесия; какое уж тут равновесие, если само Упорядоченное опасно кренилось, рассечённое невесть откуда взявшимися пространствами Хаоса!

За его спиной взмыли к серому небу Межреальности боевые клики собранного Хедином воинства.

Всё это было прекрасно, здорово – однако он так и не мог вычислить тех, за кем вёл охоту.

Армада училась быстро.

Первая волна, попытавшаяся атаковать Врага обычным образом, потерпела неудачу. Другие части Армады, обтекая место схватки, стремительно приближались к возведённым ратью Врага укреплениям, однако засевшие за ними не имели большого значения. Их можно было уничтожить, можно было пленить – им потом найдётся применение – но главным сейчас оставался Враг, отразивший начальный удар.

Мощь Тьмы была велика. Воплотившись во Враге, она успешно отражала атаки; требовалась быстрая смена тактики, и по рядам Армады прошло множественное движение.

Её части, безуспешно атаковавшие Врага, расступались, отходили, освобождая место иным. В задних рядах Армады выстраивались сложные фигуры, древние руны, и разлитая в Межреальности сила послушно потекла в подставленные ей формы.

Как именно будет называться то, что содеет Армада – Добром или Злом, Светом или Сумраком, Огнём или Водой, Жизнью или Смертью, – было совершенно не важно. Ярлыки существуют лишь в сознании тех, кто не способен подняться до высоких абстракций, как Начальствующие, вложившие часть собственного разума в многочисленность Армады.

Вокруг Восставшего образовалось пустое пространство, усеянное останками неудачливых конструктов. Некоторые их части – механические лапы или ноги с колёсами – ещё дёрга-

лись, словно из последней мочи пытаюсь дотянуться до противника; часть конструкторов, размахивая палицами, топорами, секирами и прочим, покатились дальше, к линии укреплений, где осталось его собственное воинство.

Кто бы ни управлял автоматами, он был явно не дурак.

И поединок с Ракотом неведомому противнику требовался отнюдь не для того, чтобы заманить его в ловушку.

Что ж, этим умникам пришла пора узнать, как сражается Восставший, как бьётся Владыка Мрака!..

Чёрный зверь послушно явился на зов – уворачиваясь от направленных в него зазубренных гарпунов, копий и резаков; Ракот поднимался над схваткой, ощущая, как всё горячее и горячее становится Тьма, текущая по жилам.

Внизу над рвами и валами уже мелькнули первые огнистые росчерки – чародеи не теряли время. Прокатились короткие и злые толчки силы – где-то спешно строили магические фигуры; передние ряды конструкторов рвало на части, резало, рубило, жгло, заливало растворяющей всё кислотой – в дело вступили Древние, и каждый спешил явить собственное мастерство.

Конструкторы не остановились и не заколебались. Неживое воинство не ведало страха. Быстро и ловко выстраивались пирамиды, по спинам и плечам вверх карабкались новые – на смену тем, кого смело сталью или чарами.

Потери быстро росли, но Армада не обращала внимания. Враг поднялся над полем боя, очевидно, в напрасных поисках «тех, кто здесь командует». Враг не понимал, что Начальствующие в своей мудрости предвидели именно это, и Армада творилась так, что не нуждалась ни в каких военачальниках. Враг совершенно напрасно терял время, давая Армаде возможность подготовить истинную атаку.

Поэтому штурм укреплений его воинства будет продолжаться.

Тем более что необходимые построения уже почти закончены.

Они опередили Ракота совсем ненамного.

В задних рядах конструкторов возникло слитное движение, они перестраивались, в их массе возникали пустоты, которые заполнял беспощадный, яростный свет.

Автоматы тянули силу отовсюду.

Из великих вечнотекущих потоков, пронзающих всё Упорядоченное.

Из случившихся неподалёку обитателей Межреальности, не успевших или не сумевших скрыться.

Из всего, где крылось различие, то самое, что порождает движение.

Они тянули каждый по капле, по крошечной частичке – но их было много, и Свет засиял: ярко, торжественно, победительно.

Он струился по сложным фигурам, в которые выстроились конструкторы, перепрыгивал от одного к другому, набирая силу, растекаясь окрест, подобно могучему приливу; лучи его пронзали туманы Междумирья, и они же, словно бесчисленные стрелы, нацелились в Ракота Восставшего.

Тьма яростно зашипела в его ушах. Кипящий Котёл отдавал сейчас многое, но и его мощь была не беспредельна.

Чёрный зверь камнем рухнул вниз, уходя от роя коротких, словно арбалетные болты, росчерков яростного белого сияния; собранная Восставшим сила Мрака отделилась от своего владыки, развернула призрачные крыла, скользнула над бесчисленными рядами конструкторов. Ракоту казалось, что он расстаётся сейчас с собственной кровью.

Тьма обретала форму, сгущалась, мириады бестелесных глаз в упор взглянули на автоматов; едва ли какая армия смертных выдержала бы этот взгляд, но конструкты были мертвы изначально. Руны, составленные из них, исправно творили Свет, собирали его, преображали – а что случится потом с материалом, ставшим заветными письменами, уже не имело никакого значения.

Армаде удалось до последнего скрывать свои намерения.

Враг был предсказуем, явил пределы своих сил, и сейчас Тьма, отделившись от Врага, готова была пасть – на ту часть Армады, что атаковала его слуг, или же на ту, что творила руны с чарами. Армада уже высчитала, что Врагу не удалось бы растянуть крыла тёмного создания и накрыть все конструкты разом – Мрак бы слишком истончился, утратив гибельность своей мощи.

Какое бы решение ни принял противник – Армада имела соответствующий ответ.

Тьма отделялась от Ракота Восставшего, обретала собственную волю. Обычно плавно скользящая меж частиц сущего, незаметная, притворяющаяся простым «отсутствием Света», она оформилась, воплотилась и готова была к решающему броску.

Исполинский тёмный вран распростёр крылья от края и до края воинства автоматов. Распростёр – и плашмя рухнул вниз, пронзаемый во множестве сияющими стрелами, что пробивали его навывлет и гасли, точно в недоумении – как же так, почему он не исчезнет?..

Тёмные крылья опускались, и Ракот ощущал, как трепещет каждая жилка в его теле; всё ниже, ниже, ниже...

Армада ощутила опасность. Явленная Врагом мощь превысила пределы, почитавшиеся мыслимыми; он опрокинул предположения творцов-Начальствующих. Ибо сделал то, чего от него не ожидали – накрыл своим заклятием всю Армаду.

Армада не ощущала ни боли, ни страха. Она лишь высчитывала, допустимы ли потери, которые она сейчас понесёт, и в какой степени они помешают исполнению основного приказа.

По её рядам пробежала короткая судорога, и символы задвигались, в очередной раз меняя начертания.

Тёмный призрак чудовищной птицы накрыл бесконечные ряды конструктов, и по ним словно пронёсся гибельный вихрь – серое ничто рвало уродливые тела, выворачивало их наизнанку, отрывало ноги, лапы, ручищи и щупальца, резало броню, слитую с плотью. Туша валилась на тушу, они раскрывались, словно чудовищные шкафы, расплескивая внутренности, где жилы и сухожилия слиты были с механическими тягами, пружинами, зубчатыми колёсами и червячными передачами.

Мрак раздвигал материю, занимал место Света, и грубая ткань сущего не выдерживала, расплзалась.

Страшное заклинание. Гибельное. Однако и от него имелась защита – в своё время Молодые Боги додумались до неё довольно быстро...

Правда, прячущимся до сих пор кукловодам этих автоматов она, похоже, неизвестна, решил Ракот, глядя на творящееся внизу побоище.

Конструкты погибали во множестве, замирали холмами недвижимой плоти, и над ними курились зловонные зеленоватые дымки.

Передние ряды, атаковавшие его воинство, полегли почти полностью; чудом уцелевшие, однако, не прекратили бессмысленного штурма и не повернули назад.

Но заднюю часть рати проредило куда меньше. Сияющие стрелы более не летели; Свет вздувался, словно исполинский парус, поднимаясь над неживым воинством, и Тьма, истреби-

тельный Мрак, порождённый его владыкой, разбился об этот сверкающий золотистыми переливками щит.

А потом щит, оторвавшись от породивших его рун, устремился прямо к Восставшему.

Сила Кипящего Котла не беспредельна, он не способен залить всего Упорядоченного Тьмою; Ракот ощущал болезненную пустоту Источника, из которого он почерпнул сейчас всё, что мог.

Порождённый автоматами Свет обволакивал, не пронзая, словно бы и не атакуя; он просто давил со всех сторон, стискивал, обжигал, и Тьма разом и горела, и тонула в этом сиянии.

Потом явилась боль.

Ракот отбивался, Мрак жертвовал собой, поглощая гибельный Свет, обе силы распались невесомым и невидимым пеплом; это неприятно напоминало последние мгновения перед падением Тёмной Цитадели, когда Владыку уже в третий или четвёртый раз пытались пленить.

Он рванулся, расталкивая душащие горячие волны. Кто бы ни управлял конструктами, чары, ведомые ему, явно восходили к Молодым Богам.

...Но это были не Молодые Боги. Внизу автоматы рассыпались, отходили, правильные построения рун исчезли, яростный натиск Света слабел.

Ракот встряхнулся, Чёрный зверь его ринулся вниз. Похоже, наступало время обычных мечей и простой магии, доступной чародеям и Древним.

Армада вздрогнула от обрушившегося на неё удара. Он был страшен, он не укладывался в известное Армаде, не вписывался в рамки её понимания. Будь Армада живой мыслящей сущностью, она, наверное, прекратила бы в тот же миг бытие от одного только болевого шока, но Начальствующие знали, что сотворить.

Враг выжил и сумел сбросить оковы Света, что было весьма нежелательно. Однако при этом он явил изнанку своей силы, свои связи с Кипящим Котлом, свои способы использования Тьмы, и это было полезно. Более того, это вполне оправдывало понесённые Армадой потери.

Директивы Начальствующих были недвусмысленны – в случае угрозы Армаде надлежало принять определённые меры к самосохранению. Иные из её частей, что выдержали натиск Врага, продолжали атаку на его воинство – однако иные повернули назад. Они послужат делу изменения Армады, и следующий удар, подобный только что рухнувшему, она встретит уже совершенно иначе.

Теперь оставалось лишь позаботиться, чтобы Враг был достаточно занят, пока то, чему должно сохраниться, отходит подальше.

...Поэтому другая часть Армады бестрепетно продолжала атаку.

Ракот с высоты обозревал опустевшее поле боя. Конструкты частью бежали, частью продолжали драться, словно ничего и не заметив. Дрались, надо сказать, самые крупные, ловкие и сильные, лучше всех защищённые от магии, и дрались небезуспешно. Даже Древние избегали к ним приближаться, стараясь поразить с безопасного расстояния.

Ни один из этих конструктов в отдельности, похоже, не владел какой-то особо убийственной магией. В отдельности не владел, а вот в совокупности... Владыка Тьмы старался восновить в памяти последовательность сияющих рун, обернувшихся атакой жгучего Света.

Отступавшие автоматы разбегались весьма ловко: удирали на четвереньках, прижимались к отвердевшей плоти Междумирья, ныряя в складки и впадины; Ракот взмахнул тёмным клинком, однако его воинство и само знало, что делать, устремившись в погоню.

Армада отступала. Враг оказался сильнее, чем предполагали даже самые неблагоприятные прогнозы; его связь с Кипящим Котлом – крепче, а доступные резервы силы – значительно обширнее.

Армада нуждалась в значительном восстановлении, что, в свою очередь, требовало надёжного источника магии; однако эта задача являлась вторичной, главное сейчас – доставить по назначению ценнейшие сведения о Враге.

Сообщения были отправлены и обычным образом, и – непременно – курьерами. Многочисленными, ибо Армада никогда не полагалась на одиночек.

И как только сообщения разошлись, остававшиеся в соприкосновении с воинством Врага частицы Армады нанесли противнику наибольшие потери из возможных.

...Конструкты взрывались один за другим. Только что отчаянно сражавшиеся – если к лишённому собственной воли автоматам применимо понятие «отчаянно», – они вдруг замирали или, напротив, бросались в самую гущу воинов Ракота.

И лопались.

В разные стороны летели куски тел, оставляя за собой шлейф зеленоватых брызг. Над горами отжившей плоти поднимались зловонные облака, отдельные конечности ползли сами по себе, словно змеи, норовя напоследок вцепиться хоть в какого противника.

Их добивали и смертные воины, и Древние, и сам Ракот.

Поле битвы пустело.

Мы выдержали, мы прорвали первый заслон. Кто дерзнёт воздвигнуть следующий?..

* * *

Они шли через Упорядоченное, и с каждым шагом Владыка Тьмы становился всё мрачнее и мрачнее.

Сущее содрогалось. В самом его центре всё сильнее билось новое сердце, передавая болезненные сжатия бесчисленным нитям силы. Незримые, они тянулись всё дальше, впивались острыми крючьями в истинную плоть Междумирья, врастали в него – ничего подобного Ракоту испытывать не приходилось.

Остановиться, осмотреться? Нет. Воинство шло за ним, после битвы с конструктами, нелепой и странной, оборвавшейся как по мановению руки, он должен был исполнить долг брата Хедина пред ними.

Победили ли они?..

Разумеется, смертным он сказал «да».

– Мы повергли врага!.. Нас никому не остановить!.. Мы спасаем не один мир – мы спасаем Упорядоченное!..

И это было истинной правдой.

Впереди лежал Источник Мимира. А потом – Обетованное. Там, обещал своим Восставший, они смогут немного отдохнуть перед тем, как двинутся дальше, к новым победам.

Тхенчана, змеедева и Билихос держались поблизости.

– Тхенчана.

– Я зсдесь, владыка.

– Ты... не ощущаешь... – слова не желали сходить с губ, – великого Хедина Познавшего Тьму?

Несколько мгновений исполинская улитка загадочно молчала.

– Нет, владыка. Я поведала бы ссразу. Он сстал... сстал...

– Кем же? Тебе ведомо? – Ракот знал кем. Но что ощутила эта Древняя? И, может, не только она?

– Мне ведомо, могучий. Он стал вссем, он повссюду. Его ссредоточие. Оно пересстало быть... единым. Это вссё, что я ссслышу.

Что ж, яростно подумал Ракот, если Древняя ощущает брата, значит, ещё не пора отдавать последний долг, нет! Названный брат не ушёл совсем; он, владыка Тьмы, найдёт способ вернуть его, отыщет средства.

Подобно тому, как сам Хедин вернул Восставшего со Дна Миров.

– Он ушёл, – раздался еле слышный шёпот Тхенчаны. – Он ушёл совсем, великий Хедин. Только так можно было сспассти осстальных. Нельзя получить что-то и ничего не отдать при этом...

– Чепуха, – так же негромко, но со стальной непреклонностью ответил Ракот. – Это выдумали слабаки. Хороший полководец тот, кто побеждает без потерь.

– Это не ессть Тёмный Путь... – прошелестела Древняя.

– Настало время новых путей.

– Но куда он проляжет? – кажется, Тхенчана позволила себе настаивать.

– Увидишь. – И Ракот Восставший отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Несмотря на победу, воинство продолжало уменьшаться – потихоньку, полегоньку отваливались одиночки и небольшие группки, обычно – Древние из Светлых и прибившиеся к ним.

Ракот понимал их. Нелегко истинно Светлому следовать за Владыкой Тьмы, даже с самыми благородными намерениями.

– Владыка, повелишь ловить?.. – кровожадно поинтересовался Билихос. Бегемотова пасть приоткрылась и захлопнулась, словно крышка сундука.

– Нет. Пусть уходят.

– Но, владыка, даже если они не хотят больше сражаться, могут сгодиться для жертвенника! – не сдавался толстяк.

Неразлучная с ним змеедева согласно закивала.

Ракот времен Первого Восстания, быть может, и задумался бы над советом Билихоса. Не факт, что последовал бы ему, но задумался бы точно.

Однако те времена давно прошли.

– Я сказал – нет! – рыкнул Владыка Мрака. – Пусть уходят. Нам нужны лишь вернейшие из верных.

Трое тёмных переглянулись. Тхенчана выразительно качнула глазами.

– Владыка, мы никогда не изменяли Тьме. Нам ведомы её пути. Мы готовы исполнить твою волю.

Они так привыкли, они уже не могут по-другому.

– Когда будет нужно, я отдам приказ. Крови будет много, не сомневайтесь.

Пусть уймутся, но ведь никто даже не знает, поможет ли здесь магия крови. Даже многоумудрый Хедин никогда не сталкивался ни с чем подобным.

Армия Ракота уменьшалась в числе, но ядро её оставалось сильным.

– Владыка, Лёд движетсся, – раз за разом предупреждала Тхенчана, но Восставший уже и без неё ощущал надвигающееся омертвление, остановку всего и вся. Ни один Источник ещё не накрыла смарагдовая твердь, но надо было торопиться.

Армада отступала. Разбившись на сотни и тысячи крошечных капель-отрядов, она вновь соединялась, подобно мелким ручейкам, сливающимся в полноводную реку.

Она выполнила не все приказы Начальствующих, но те, что выполнить удалось, дали очень многое. Теперь Армаде надлежало восстановить себя; а для этого требовалась сила, много силы.

Начальствующие торопили её и торопились сами. Питавших Армаду в колыбели жил уже не существовало, требовалось идти на риск.

Четыре Источника.

Кипящий Котёл под властью Врага, и прорыв к нему потребует слишком больших потерь. Светлый Урд – в Обетованном, под крепкой защитой. Армада потеряла слишком много, чтобы позволить себе приступ этой твердыни.

Источник Мимира. На первый взгляд самый доступный. Не имеющий сродства ни к Свету, ни к Тьме. Однако, скорее всего, именно туда направляется сейчас Враг, и Армаде придётся иметь с ним дело, не восстановив силы.

Оставался последний, четвёртый Источник. Источник в месте, именуемом «Асгард Возрождённый».

* * *

...Источник Мимира встретил пустотой. Следы не так давно свёрнутого лагеря – мёртвая тишина. Вода в зачарованном ключе кипела, бурлила, густой пар поднимался к низким небесам, лес застыл, словно оцепенев.

Не мешкая, даже не сбросив плащ, Ракот шагнул к Источнику.

Тяжело, смутно, трудно. Пузыри лопаются со злым сухим хрустом, словно чьи-то когти трещат под сапогом; летят жгучие брызги. Прямой, словно колонна, столб плотного пара уходит вверх, подпирая небеса, и кажется, что без этой опоры тяжёлые серые тучи, набрякшие, но никак не могущие разродиться дождём, вот-вот рухнут наземь, давя всё и вся.

Источник бурлил и бушевал. Сила рвалась из него, дикая, обновлённая, не имеющая хозяина. Мимир счёл, что долг его – во владениях великого Демогоргона, и магический ключ остался без присмотра.

Владыка Тьмы склонился над бурлящей водой. Поколебался – а затем резко погрузил обе руки по локоть.

Мрак в нём закричал, чёрный шлейф за плечами Ракота затрепетал, словно разрываемый неощутимым для других ураганом.

Сила ворвалась в него, смешиваясь с эманациями Тьмы, – сила, переполненная тревогой, предупреждением, даже страхом.

«Наступающий Лёд, – приказал Ракот. – Покажи его мне!.. Немедля!..»

Фонтан горячей, почти кипящей воды ударил ему в лицо, однако хозяина тёмного Котла пронять этим было не так-то легко.

«Покажи!» – вновь потребовал он.

Источник ответил ещё одним негодующим всплеском. Он подчинялся Мимиру, ему одному. И не заставишь повиноваться грубой силе, на то здесь и вода – проскользнуть меж пальцев.

«Глубоко уходят корни Источников. Через них возвращается в Упорядоченное животворная сила. Все три необходимы для сохранения равновесия...»

Так учили птицеглавые наставники. Сдержанные, скупые на слова. Показывали, но не рассказывали. Натаскивали, но не раскрывали души. Никто не знал, куда они делись потом (сделались мелкими лесными духами?); Поколение, жадное до дела, познания, власти, получившее в полное распоряжение свой Замок Всех Древних, об этом не задумывалось.

«Молодость жестока. Ей мнится, что старость никогда не настанет, что состарившиеся всегда были такими...»

Руки обжигало, вода становилась нестерпимо горячей. Конечно, Владыке Тьмы нипочём, даже если она обратится в кипятки, даже если сделается раскалённой лавой; однако волны боли проникали всё глубже и глубже, к самому нутру его существа, той невообразимо крошечной частицы, что способна была хранить его характер и память.

Смотри. Вникай. Видь. Источник Мимира, источник мудрости, как верили тысячелетиями; он может даровать прозрение, может указать путь. За всё это Источник потребует платы. Не потому, что ему нужно что-то «для себя» – просто для равновесия.

...Упорядоченное кипело, во всём подобное сейчас каменной чаше волшебного ключа. Потоки магии сходили с ума. И – да, отдалённые части сущего замирали, там прекращались жизнь и движение, миры застывали, заковываемые в тот самый смарагдовый лёд, о котором твердила Тхенчана.

Там всё застывало, замирало, умирало последней смертью. Души становились частью страшного кристалла, встраивались в него, растворялись, да так, что их уже, наверное, и не вырубить, подобно тому, как кирка подгорного гнома высвобождает самоцвет из тёмных глубин.

Ракот не видел Дальних, не видел захваченные изумрудной неподвижностью миры. Он просто ощущал отчаяние и ужас схваченных, разумных и неразумных, наделённых речью и не знающих её.

Тхенчана не ошиблась.

Лёд наступал.

Ты наверняка поймёшь меня, Мимир.

Руки Владыки Тьмы погрузились в нестерпимо горячую воду по самые плечи; эманации мрака смешивались с паром, змеями вились среди лопающихся пузырей.

Боль, раздражающая саму его суть, медленно поднималась всё выше, заполняла собой всё внутри Нового Бога. Боль очищала, выжигала ненужное, оставляя одну лишь чистую Тьму.

Источник Мимира становился похож на Кипящий Котёл. Он подчинялся Владыке Мрака, изменял его и изменялся сам. Наверное, и мудрый Ётун не сказал бы теперь, сделается ли заветный родник снова прежним.

Ракот и Источник слились сейчас в одно целое; Новый Бог утопал в клубах потемневшего пара. Пальцы – или то, что некогда было ими, – коснулись шершавого дна каменной чаши, легко прошли сквозь, вбирая поток рвущейся на волю магии.

В самом сердце Упорядоченного по-прежнему кипел настоящий шторм силы, скрытый от взоров Ракота даже сейчас; и единственное, что он мог разобрать в серой мгле, заставшей взгляд, – были три вытянутые тени.

Тени трёх мечей.

Он узнавал их – по тревожному, даже зловещему эху, словно клинки пели злую песнь под порывами сухого горячего ветра, жадного до влаги. Ветер был убийцей, явившимся из неведомых пустынь, как и сами эти мечи.

Иммельсторн. Драгнир. Чёрный фламберг Хозяина Ливня.

Они рождались и умирали множество раз, меняли формы, обличья, имена – Ракот смутно улавливал шёпот бесчисленных голосов тех, чьи души успели выпить эти клинки. У мечей не было хозяев, они сами выбирали, чья рука вскинет их для боя; и в неведомое прошлое уходила бесконечная череда их воплощений, вплоть до последнего, мельинского.

Меч молодых эльфов, Дану, являвшийся через ветвь Отца-Древа в глубинах заповедного леса. Меч подгорных гномов, воплощавшийся из друзы самоцветных камней. И фламберг, меч людей, беспощадно вырубавший слабых отравными каплями Смертных Ливней.

Три меча, словно три опоры. Жутких, ненасытных, требующих за свою службу обильных и кровавых жертв. Путь их последней инкарнации начался в Мельине, закончился – в Эвиале; миры слились в небывалой катастрофе, и – Ракот помнил – смертный человек, молодой маг Долины Кэр Лаэда, он же некромант Фесс, сумел с ловкостью зашивающего рану лекаря соединить вместе два распадавшихся, тяжело раненных мира.

Круг замкнулся, великий змей Уроборос дотянулся зубами до собственного хвоста.

Лживая, обманчивая бесконечность!.. Сейчас Ракот её ненавидел – им с Хедином постоянно казалось, что впереди ещё вечность, а любимая фраза названного брата о том, что она якобы имеет обыкновение проходить очень быстро, оставалась всего лишь хлёсткой и красивой фразой.

Змей впился в свою же плоть, места рождения и смерти мечей слились, и неведомая сила тащила их сейчас вновь – на свет из смертной тени.

Какая сила? И как?

Ракот вглядывался и вглядывался, напрягая взор, хотя, конечно, ничего видеть он не мог – но чувствовал. Ощущал, как тени истребительных клинков наполняются силой, подобно тому, как расплавленная сталь заполняет форму в мастерской искусного кузнеца.

Кто-то настойчиво творил двойники сгинувших недавно мечей. Творил упрямо, щедро расходуя силу, возмущая Упорядоченное так, как никто никогда не возмущал.

Это было важно, это нельзя было оставлять без внимания, но... Мечи ждать могли, а Лёд – нет.

Источник Мимира явил всё, что мог. Теперь дело за ним, Ракотом.

Теперь – Обетованное. И светлый Урд.

Ракот Восставший медленно выпрямился над затемнённым Источником. Окинул взглядом окрестности – дневной свет померк, опустились низкие тучи. Словно бы сам мир вокруг подчинился Тьме, утрачивая краски и жизнь.

Мимиру это едва ли понравится – если, конечно, старый Ётун вообще вернётся сюда.

...Никакой стражи около Источника уже не оставляли. Тьму уберёт только её же владыка.

Древние – Тхенчана и остальные – напротив, не скрывали радости.

– Благодать-то какая, повелитель, – с наслаждением выдохнула змеедева Рудиа. – В кои-то веки у настоящего Источника... Котёл-то, он того, закрыт, не добаться...

Ракот промолчал. Последние несколько Светлых, ещё остававшихся при его воинстве, мрачно взирали на происходящее.

– Владыка Ракот. – Тонкая крылатая дева, по виду – чистая адата, отделилась от группы, бесстрашно шагнула к нему. – Владыка, сотворено недоброе. Источник Мимира всегда оставался чист, в нём не было Света, но отсутствовал в нём и Мрак.

Огромные глаза цвета морозного неба, сияющие волосы рекой, белые крылья, настолько белые, что больно смотреть. Рядом с говорившей стояли ещё трое из тех, кто черпает силы в Свете.

Громадный бурый медведь, на лапах – когти из пламенеющей, словно раскалённой стали, нахмуренная сова в серопёстрых перьях да могучий кентавр – вот и всё. Остальные ушли, не прощаясь.

– Ты брат великого Хедина, и мы повиновались тебе, – прорычал медведь, огневеющие когти процарапали землю. – Но ты творишь недоброе. Остановись, верни Источнику его жизнь!

– Верни, – сова запахнулась в крылья, развела их, обернувшись женщиной с милым, слегка тронутым морщинами лицом, точно у доброй бабушки, которую обожают бесчисленные внуки. – Верни, владыка.

– Иначе Свет не сможет оставаться с тобой, – пробасил кентавр, переступая тяжёлыми копытами.

Им ответить можно было многое.

Например, сказать, что очень скоро вообще не останется ни света, ни тьмы, а один лишь мёртвый смарагдовый лёд. Сказать, что единственный шанс – это объединить силы всех трёх источников, даже четырёх, если вспомнить ещё один в Асгарде Возрождённом, и тут уже не до сохранности первозданной чистоты.

Да, сказать-то можно. Но – что делать с чистым Урдом, со светлым Урдом? И он тоже обернётся тёмным? А потом?.. Как всё вернуть?

И Ракот Восставший лишь покачал головой.

– Кто мог содейть лучше – остался там, открыв нам путь. Я не бог Хедин, мне повинуются лишь Тьма. Может, справится кто-то из вас?..

Четвёрка Светлых не отвела взглядов.

– Владыка Ракот, – проговорила светлокрылая, глядя в упор синими глазищами. – Молю тебя, пощади Источник. Если надо – возьми кого-то из нас. Мы... готовы... – голос её прервался.

За спиной хозяина Тьмы мало-помалу собрались Древние – Тёмные. Смотрели, слушали. Очень внимательно.

– Что ждёт светлый Урд? – в упор спросила Сова.

Догадалась. Провидела.

– Если мы можем помочь самым последним, что у нас есть, – мы готовы, – пробасил кентавр. Согласно рыкнул медведь.

Ракот поднял руку, и все враз стихли.

– Коль потребуется, то я сделаю это, – медленно проговорил он. – Коль потребуется, то все мы – меня не исключая – поступим так же, как мой брат Хедин, своей жертвой открывший нам дорогу. Но – в должный момент. Источник Мимира затенён, да, но иного выхода сейчас нет. Погодите тратить свои жизни, Светлые. Момент ещё настанет. Можете мне поверить.

Ему верили. Это читалось и в их взглядах, и в напряжённой тишине, повисшей над тёмным источником. По-прежнему уходил в небо столб густого и плотного пара, но сделался он пепельно-серым; и небо всё темнело и темнело, словно надвигались вечные сумерки, за которыми уже никогда не настанет истинный рассвет.

– Выступаем, – коротко бросил Ракот, не глядя больше на Источник.

У меня большой долг перед тобой, Мимир.

* * *

Они торопились, ели на ходу и почти не спали. Упорядоченное сотрясало и корчило вокруг, точно под жестоким бичом в палаческих лапах. По-прежнему таяли ряды воинства, теперь уходили уже и иные Тёмные. Что они думали, на что рассчитывали – Ракот не гадал. Тьма дарует свободу. В решительный момент рядом должны оставаться лишь те, кто точно не дрогнет.

Тхенчана, змеедева Рудиа и похожий на бегемота Билихос по-прежнему держались подле.

– Глупцы, – заметила громадная улитка; её глаза на длинных стеблях мотнулись вслед ещё одной кучке отколовшихся. – Они изссменили делу Владыки Мрака!.. Их насстигнет кара, великая кара!..

Ракот промолчал. Обетованное приближалось, а перед ним всё яснее и отчётливее вставала Райна. Их путь только начался, они были первыми свидетелями пробуждения Древних, но тогда никто не догадался, чем закончится это их возвращение.

Райна. Она словно плыла перед ним, но не смотрела на него. Порой Ракоту казалось – он видит валькирию совсем юной, пробирающейся сквозь густой подлесок, видит её стоящей перед странной бревенчатой хижинкой.

Воительница шла каким-то одним ей ведомым путём; быть может, взывала сейчас к нему, Ракоту, что это не отблески неведомого прошлого, он не сомневался. Но если это зов – то где она сейчас?..

...Обетованное открылось им во всей славе своей – сияющий остров, плывущий по волнам серого моря Межреальности. Зелёное, голубое, золотое – над лучшим творением Молодых Богов мягко сияли чистые цвета, словно каждый лист, каждое озерко и каждый ручей светились, и каждая гора будто облачилась в парадные золотые доспехи.

Обетованное.

Сейчас его окружали Тёмные Легионы, приведённые сюда им, Ракотом, давшие бой несчастным быкоглавцам и их союзникам.

Легионы ждали своего повелителя, вызвавшего их из небытия, вновь напитавшего эманациями Мрака; без него это воинство долго бы не просуществовало.

– Лёд нассступает, владыка, – сочла нужным напомнить Тхенчана.

Лёд наступал. Знать бы ещё, для чего это понадобилось Дальним...

Лёд наступал, а где-то в невообразимой глубине Упорядоченного к нему продолжала вызывать Райна.

Его Райна.

Кулаки хозяина Тьмы сжались. Источник Мимира оставил на них глубокие следы – хотя, казалось бы, какие следы оставит вода на мраке?

Но так или иначе, плоть Ракот удерживал сейчас куда хуже и с заметным трудом. Всё больше и больше становилось в нём чистой, беспримесной Тьмы, вытеснявшей всё остальное – подобно тому, как рубленая рана заполняется кое-как стягивающей края кожей.

Он не был таким даже в пору своего Первого Восстания.

Но сейчас не это было главным.

Урд. Светлый Урд.

...Тёмные Легионы салютовали своему Владыке; чудовища и монстры, костяки и духи Мрака. Предводитель явился, они вновь могли существовать.

– Владыка Ракот?!

Навстречу ему метнулась тонкая фигура эльфийки, в руках – изогнутый лук.

– Владыка Ракот, ты вернулся!.. Но... где же повелитель Хедин?..

Эльфийка была из Тёмных, одна из подмастерьев названного брата.

– Триэль Фаэртала, владыка, – поклонилась она. – Мы... вернулись сюда, в Обетованное. Ожидая... приказов.

Эльфийка казалась растерянной, и отнюдь не от великого почтения к хозяину Мрака. Тёмные эльфы вообще не отличались застенчивостью.

– Многие наши вернулись сюда. Приказы... больше не имели смысла.

Она оправдывалась. Глаза её бегали, пальцы в чёрных боевых перчатках нервно сжимались и разжимались.

– Мы явились... мы надеялись... мы хотели найти... – она заикалась и запинаясь. – Я... в дозоре...

Ракот вскинул руку, останавливая её.

– Войско прошло дальний и долгий путь, ему нужен отдых. Позаботься об этом, достойная Триэль.

Эльфийка лихорадочно закивала.

...Его место было с Тёмными Легионами. Он странно ощущал себя сейчас в Обетованном – словно натянув жмущую неудобную одежду. Здесь давит, там тянет, тут натирает.

За ним вились дымные серые шлейфы; Владыка Тьмы сделался истинным Владыкой Тьмы, и Обетованное, место света, тепла и радости, отталкивало его.

...А за пределами Обетованного, среди тёмного воинства, он сразу почувствовал себя лучше. Отдавал приказы, вполне обычные – поход их закончился, во всяком случае, пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.